С 33
Л476

ОТЕКА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

Н. ЛЕОНОВ

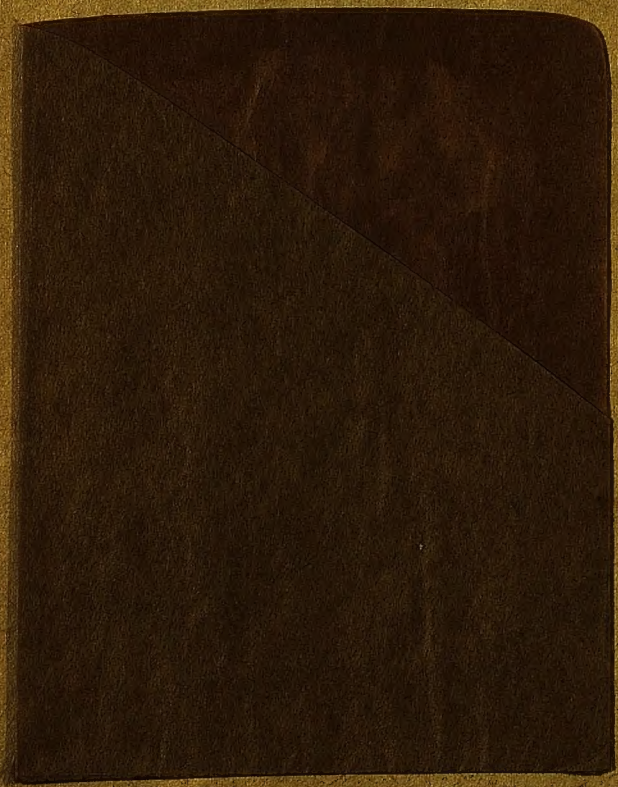
СЕВЕР НА СТРОЙКЕ

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО
СРЕДИ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ
СЕВЕРНЫХ ОКРАИН

98.387

Издательство „Власть Советов“ при Президиуме ВЦИК
МОСКВА — 1930

ГА ДОЛЖНА БЫТЬ
ЧЕНА НЕ ПОЗЖЕ
ТОЧА



БИБЛИОТЕКА ПО НАЦИОНАЛЬНОМУ СТРОИТЕЛЬСТВУ

С3(С1
Л476

Н. ЛЕОНОВ

СЕВЕР НА СТРОЙКЕ

СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО СРЕДИ МАЛЫХ НАРОДНОСТЕЙ СЕВЕРНЫХ ОКРАИН

98387

1948

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

СЕВ.
Краевой обязательный экземпляр
К.Р. Б-КА
пользоваться бережно

1955

ИЗДАТЕЛЬСТВО „ВЛАСТЬ СОВЕТОВ“ ПРИ ПРЕЗИДИУМЕ ВЦИК
МОСКВА—1930

2002

1966 г.

3361

2010

Мособлит 15064 Тираж 10.000 экз.

Типография Хоз. Отд. ВЦИК, Верхние Торговые Ряды, № 265.

„Малые народы Севера представляют главное богатство приполярных окраин, ибо они в течение столетий накопили опыт и умение жизни в этих суровых пространствах, которые без них представляли бы ледяную пустыню, а потому задача под'ема хозяйства и культуры малых народов Севера является крупной задачей государственного значения".

В. Г. ТАН-БОГОРАЗ

О СЕВЕРЕ И СЕВЕРНЫХ ЛЮДЯХ

Малые народности, находящиеся под шефством Комитета Севера, обитают на огромном десятитысячеверстном пространстве бездорожной тайги и болотистых тундр. Численность всех малых народностей Севера, рассеянных на этой огромной территории, не превышает ста сорока тысяч человек. Тем не менее, эти северные племена, как бы малочисленны они ни были, являются единственно возможными обитателями тундр и тайги, и лишь через них возможно использование бесчисленных богатств Севера и вовлечение этих богатств в хозяйственный оборот страны.

Малые народности Севера представляют собою особый замкнутый мир. „Северные племена выработали своеобразную культуру, изобрели сотни остроумнейших промысловых орудий, культивировали специальные виды северного животноводства: оленеводства и собаководства" (В. Г. Тан-Богораз).

Приспособившись в течение веков к суровым условиям северной природы, туземцы жили своеобразной жизнью, и лишь пришествие русских завоевателей нарушило привычный уклад их жизни и обрекло туземное хозяйство на медленное разрушение. Север с его пушными богатствами с первых же лет завоевания Сибири стал служить источником хищнического

1995

обогащения. С конца XVI века сибирский Север стал приносить огромные доходы московскому государству. Смело можно сказать, что огромная доля основного капитала, вложенного во все государственное и хозяйственное строительство нашей страны в XVII веке, внесена туземцами Северной зоны. Было время, когда треть всего государственного бюджета покрывалась за счет „ясачной мягкой рухляди“ (т.-е. сибирской пушнины). Сибирские меха в те времена служили единственным и весьма значительным, по своей стоимости, экспортным товаром.

Богатства эти, обеспечивавшие когда-то безбедное существование туземцу, были быстро расхищены. Многие районы, дававшие прежде значительный выход соболиных шкурок (недаром дорогих соболей считали „сороками“), в наши дни совсем лишились этого ценного зверя. Истощение пушных и оленных богатств привело северного туземца к обнищанию. С течением веков голод стал хроническим явлением среди туземцев Севера. Случаи вымирания целых родов и селений от голода наблюдались на Севере нередко.

Обнищавший охотник-туземец вынужден был для поддержания своего существования резать своих оленей и тем самым лишился возможности промышлять в более отдаленных районах, где еще сохранился пушной зверь. Физическое истощение и даже умирание туземцев, в силу хронических голодовок, послужило основанием для предположения о расовом истощении, о „вымирании“ палеоазиатских племен. Подобное предположение о „расовом вымирании“ приводило к роковому для Севера выводу: „туземцы Севера вымирают, и тут все равно ничего не поделаешь“. Отбирая у туземцев пушнину, царское правительство не заботилось о возвращении туземцам взятых у них средств, в виде той или иной культурной или хозяйственной помощи. Накопился вековой неоплатный долг государства перед туземцами Севера.

До революции туземцев снабжали необходимыми товарами и орудиями промысла частные торговцы. Снабжение это производилось на кабальных для туземца условиях.Но, переплачивая втридорога купцу-частнику, туземец все же из года в год, имел возможность приобретать у него и порох, и снасти, и хлеб, и табак.

Революция вытеснила частников из туземных районов. Заменить сразу частного торговца новой торговой сетью не удалось, вследствие чего эпоха гражданской войны чрезвычайно тяжело ударила по хозяйству туземца, потерявшего именно за это время большую часть своего промыслового инвентаря. Находившееся и ранее в состоянии упадка хозяйство северного туземца после гражданской войны оказалось в ужа-

сающем положении: отсутствие пороха, дроби, рыболовных снастей и прочего промыслового инвентаря лишило туземцев возможности поддерживать свое существование охотой и ловлей рыбы.

В наследие от лет разрухи нам досталось голодное, раздетое, обнищавшее население, население, раскиданное в просторах бездорожной тайги и тундр, население, лишенное возможности вступиться за свое право на человеческое существование. Тогда-то и был создан (1924 г.) Комитет содействия малым народностям Севера при Президиуме ВЦИК.

Комитет Севера, согласно постановления ВЦИК, „координирует и направляет работу всех государственных и хозяйственных организаций в отношении обслуживания северных окраин". Деятельность Комитета направлена к всесторонней организации общественной и хозяйственной жизни малых народностей Севера [1]).

Работа Комитета опирается на пробуждение национального самосознания и самодеятельности северных племен. Вся административно-правовая, культурно-просветительная и хозяйственно-экономическая работа Комитета проникнута идеей возрождения Севера не только в интересах туземцев, но и руками самих туземцев.

Северные окраины наши по характеру растительности возможно разделить на две неравные, резко отличающиеся друг от друга части — на тундру и тайгу. Безлесная тундра тянется вдоль берегов полярного моря полосою, в среднем достигающей 250 — 300 клм. ширины. Она проходит непрерывно с запада на восток, от Мурмана до Чукотки, местами суживаясь до 100—50 клм., а местами расширяясь до 500 клм. и более. Тундра безлесна. Огромные ее пространства покрыты

---

[1]) „Грубо округляя, южную границу Севера надо очертить линией, проходящей приблизительно по 50° северной шир. на крайнем востоке, т. е. несколько к югу от устьев Амура, и приблизительно по 60° северной широты на Иртыше и в Европейской части—по южному и юго-западному берегам Белого моря.

В этих пределах, в круглых цифрах, поверхность нашего Севера занимает около 9 миллионов кв. клм. с населением около 900 тысяч человек, из которых около 140 тысяч — малых народностей. Следовательно, средняя плотность населения — около 1 человека на 10 кв. клм., но местами в тундрах она падает до 1 чел. на 100 кв. клм.

Огромное пространство нашего Севера, простирающееся от границ Норвегии до границ Аляски, омывается с севера частями так называемого Северного Ледовитого океана, в сущности являющегося лишь полярным средиземным морем, а с востока — частями Тихого океана — Беринговым и Охотским морями" (С. А. Бутурлин).

осоками, травой, лишайниками и мхами. Впрочем, в тундре есть и древесная растительность — ивняки и полярная береза, достигающие до высоты человеческого колена. Мхи и лишайники преобладают в более северных частях тундры, а к югу все гуще и выше разрастаются ивняки, особенно по долинам речек и по озерным впадинам. Плоская, низменная тундра изобилует летом озерами и болотцами. Вода держится также и на каменистой, высокой тундре.

В безлесную тундру, по долинам речек, под защитою приречных холмов заходят первые деревья — ольха и низкорослая лиственница. Зато по горным хребтам далеко к югу, в полосу тайги языками вдается настоящая приполярная тундра.

Переходная зона между тайгой и тундрой носит название лесотундры.

Тундра, благодаря скудной растительности, имеет довольно однообразный вид на огромных расстояниях. Тайга, простирающаяся к югу от тундры широкой полосой, достигающей полутора—двух тысяч километров в ширину, отличается несравненно большим разнообразием.

Растительность Севера находится в теснейшей зависимости от его сурового климата. Климат северных окраин характеризуется чрезвычайно коротким летом, долгой зимой, жестокими морозами в восточной половине (до —63° — 67° — в Верхоянске [1]).

Примечательным явлением северных наших окраин можно считать вечную мерзлоту — на некоторой глубине лежит вечно мерзлый, никогда не оттаивающий слой. Не мало надо выносливости организма, сноровки и жизненной энергии, чтобы жить в этих неприютных просторах. Не мало надо проявить изобретательности и отваги, чтобы суметь закрепиться в этих суровых пространствах и повести успешную борьбу за существование.

Нашу северную окраину населяют так называемые малые народы севера (исключая из их числа коми-зырян и якутов, как народности более многочисленные, имеющие свои национальные об'единения — Коми-область и Якутскую АССР).

Вот данные о составе малых народностей Севера и их численности [2]):

Финно-Угры: Лопари — 1.717, вогулы — 5.754, остяки—22.306.

Самоеды: Остяко-самоеды — 1.630, самоеды — 15.456, ураки — 2.104, карагассы — 419.

---

[1]) Верхоянск — полюс холода.

[2]) Заимствованы из журнала „Советский Север", № 1, за 1930 г.

Тунгусы: Долгане — 655, тунгусы — 37.545, ламуты — 2.044, орочены — 1.200, манегры — 59.

Манчжуры: Гольды — 5.309, самогиры — 551, ульчи — 723, ороки — 162, негидальцы — 683, орочи — 646, уде — 1.357, манчжуры — 23.

Палеоазиаты: Чукчи — 12.331, коряки — 7.438, камчадалы — 4.217, гиляки — 4.076, юкагиры — 443, чуванцы — 704, алеуты — 353, эскимосы — 1.292, кето — 1.428, айны — 32, а всего около 140.000 человек.

Вкратце мы расскажем о главнейших, наиболее характерных для нашего севера народностях.

Типичнейшими обитателями широких тундр с их ягельными [1]) и травянистыми пастбищами являются ненцы [2])—оленеводы. Стадо оленей для ненца—основной источник существования. Олень дает ненцу мясо, шкуры для одежд и для покрышки переносного жилища — чума, сухожилия для прочных самодельных ниток, копыта для поделок. Даже содержимое желудка оленя идет в пищу.

От хозяина — ненца стадо требует заботы о пастбище Жизнь оленевода проходит в постоянных перекочевках по ягельникам, летом—к берегу моря, зимой—под защиту лесов. Кочевой жизнью предопределяется тип жилища—чума. Оно состоит из длинных жердей, расставленных конусом, закрываемых сверху шкурами оленей. Для отепления и варки чая служит очаг посредине чума. Дым идет прямо в отверстие конуса. Утварь самая примитивная, постелью служат те же оленьи шкуры. Со всем своим скарбом, со всей семьей оленевод передвигается по тундре по заранее определенным для его кочевки местам.

Основная работа оленевода—его стадо. Но в то же время оленевод является и охотником и рыболовом. Передвигаясь по тундре, ненцы ставят капканы на песца, устраивают артельные охоты на тундровых зверей загонами, охотятся на птицу. В тундровых речках и озерах ловят рыбу.

Без охоты могут прожить только более или менее крупные оленеводы, стада которых насчитывают не менее трехсот голов оленей. Почти всякое северное хозяйство является хозяйством комплексным, где при одном основном промысле неизбежно встречаются и подсобные.

Итак, главным занятием жителей тундры является в большинстве случаев оленеводство, затем охота и, наконец, рыбный промысел. Из пушных зверей добываются: песец, лисица, волк. Жителями прибрежной тундры, кроме того, добывается морской зверь на берегу океана.

---

[1]) Ягель—мох.

[2]) Ненцы—самоназвание самоедов.

Из рыб в тундре добывается: кумжа и толец, омуль хариуз, сиги, пелядь и чир.

Среди болотистой тайги Тобольского севера небольшими поселками в две-три избушки живут туземцы (вогулы, остяки). Почти круглый год они промышляют зверя, птицу и рыбу.

Верными спутниками им в охоте являются лайки, которые расцениваются, смотря по качеству, от 75 руб. до 300 руб. и дороже, так как собака для туземца—все.

Женщины и дети остяков и вогулов принимают активное участие в сборе кедровых орехов, ягод, грибов, а также и во время ловли рыбы (распластывание, чистка, вяленье, копченье, солка, сушка).

Зверовой промысел у остяков кратковременен. Орудиями для промысла служат шомпольные ружья и берданы мелкого калибра, а также капканы, более же отсталые пользуются еще черканами, пастями и прочими ловушками.

В самых глухих углах у вогулов до сих пор еще применяется лук, главным образом при охоте на уток и при промысле на белку.

На мелкого зверя—горностая, колонка и белку—охотятся с собакой-лайкой.

За белкой охотятся с ноября месяца до января, если позволяют снега. Оленя начинают промышлять с октября месяца и весной в марте—апреле, когда уже снег рыхлый и не держит. Найдя стадо оленей, начинают преследовать и гонять до тех пор, пока животные не выбьются из сил и когда можно будет, подойдя без выстрела, прирезать ножем.

Закон, запрещающий производить охоту на оленей и лосей по рыхлому снегу (черыму), порождает у остяков возмущение, вогулами же отчасти соблюдается.

Остяки таким путем добывают летом на 3—5 семейств до 40 штук за два—три месяца. Мясо животных разрубается, частью варится в свежем виде, а остальное вялится и солится.

Соболь добывается с собакой и ружьем больше в скалистых местностях.

Медведь добывается большей частью зимой в берлогах.

Волк, росомаха, выдра, лисица, заяц, бурундук промышляются с октября до марта месяца; определенного срока нет.

Расскажем и о тунгусах, наиболее многочисленных и типичных обитателях таежных дебрей Сибири [1])

Все они—охотники и ведут кочевой образ жизни. Продовольственные запасы, постели, чум, детей, больных и стариков

---

[1]) Обитают на огромном пространстве от Оби до Охотского моря, главным образом в Туруханском крае, Бурято-Монгольской АССР, ЯАССР и на Охотском побережьи.

перевозят в лесах на вьючных седлах, а в лесо-тундре — на нартах. Средний переход в день („нюльги") равен 8—12 верст. Кочуют они ради охоты и из-за кормов оленя. Средняя грузопод'емность оленя-самца—4 пуда, самки—3—3,5 пуда.

Необходимо отметить, что тунгус-охотник передвигается по тайге в совершенно-определенных границах. Термин „бродячие охотники" не соответствует действительности. Вся тайга поделена на угодья исстари.

Только раньше эти твердо закрепленные угодья были родовыми угодьями, теперь же все рода перемешались территориально, и районов с чистым населением какого-либо из родов почти нет. Причинами к такому сдвигу бесспорно являлись эпидемические заболевания людей, что вызвало уход с зараженных районов в здоровые места; заболевания оленей, недороды пушнины и поиски ее; лесные пожары и проч.

В настоящее время под кочевыми промысловыми угодьями необходимо понимать не родовые, а семейные угодья; отдельные хозяйства, занявшие речку с куском тайги, или хозяйство нескольких юртовых семейств.

Занятая речка оберегается тунгусом от огня и вообще угодья используются туземцами весьма рационально. Тунгусы давно поняли разумность такого использования лесных богатств и сами разбили тайгу на промысловые участки, в которых и промышляют.

На крайнем северо-востоке по берегам Берингова моря живут эскимосы и чукчи—морские охотники по преимуществу [1]).

„Чукчи и эскимосы встарь обладали громадными оленьими стадами и славились первейшими оленеводами, но из года в год на севере пошли эпидемии на оленей, стада их редели и теперь исчисляются не сотнями, а лишь десятками. Когда же олени почти вывелись, северные люди (эскимосы и часть чукчей) превратились в охотников, для которых охота стала всем".

„На суше чукчи и эскимосы добывают зверя и птицу самодельными ловушками, силками, ружьем, которое является чрезвычайной ценностью, при чем зимой и летом ходят по тундре на круглых и коротких лыжах, у которых подставкой для ног служат сетки из жил зверей. Имущество, потребное для охот, идет следом на санях в оленьей упряжи. В воде охота производится на байдаре — специальной лодке, являющейся на севере наисовершеннейшим средством передвижения по водам океана и рек. Байдара—узкая, длинная лодка, чрез-

[1]) По р. Анадырю кочуют оленные чукчи.

вычайно прочна, устойчива и быстра при движении. Она состоит из остова, построенного из множества разной величины палок, перевязанных между собой китовым усом и жилами морских животных. Остов байдары обтянут моржевой кожей".

„Главнейшим об'ектом летних охот является жирный морж, мясо которого служит пищей человеку и собаке, пригоден для отопления и освещения, шкура его идет на яранту, [1]) байдару, обувь. Белоснежные клыки моржа идут на рынок, кости потребляются как строительный материал. Морж у охотников полярного круга является основным источником жизни. Другие животные—нерпа, лохтак, белый медведь, песец, олень и морские рыбы — также служат северным людям источниками их существования". *(А. П. Горчаковский).*

Чукчи, как и другие северяне, проявили значительную изобретательность в сооружении своего жилища-яранги. Живя в безлесной тундре, они вынуждены пользоваться для остова своих жилищ плавниковым лесом, выброшенным морскими волнами, или же ребрами убитых ими китов. Остов из бревен и китовых ребер, скрепленный ремнями из кожи морских животных, обтягивается кожей или парусиной. Получается довольно обширное помещение, куда укрываются люди, собаки, запасы пищи от свирепствующих метелей и холодов.

Для себя люди внутри яранги устраивают из меховых шкур внутренний шалаш-полог, называемый юронгою.

Отапливается юронга, закрытая с трёх сторон почти герметически, а с четвертой располагающая меховой завешивающей полостью, особыми светильнями, зачастую выдолбленными из камня.

В каменную чашку наливается тюлений (нерпичий) жир, вкладывается фитиль и поджигается. Светильня такая дает не только свет, но и тепло. В юрте, плотно закрытой, бывает, несмотря на жесточайшие морозы снаружи и ветры, так тепло, что люди нередко спят, раздеваясь почти до-нага — женщины оставляют на себе кожаный передник, а мужчины — кожаные трусы.

Обитателю теплой юрты не страшны бури и холода — яранга сверху обвязывается ремнями, а на концы ремней для устойчивости навязываются камни.

Яранги оленных чукчей значительно меньше по размерам — они должны быть приспособлены для кочевки со стадами.

Весь быт, уклад жизни домашней и общественной определяется на Севере условиями хозяйствования с неприкрытой очевидностью. Слишком велика зависимость северного чело-

---

[1]) Яранга — жилище чукчей.

века от природы, от „урожая“ на песца, на белку, от „хода“ рыбы, от наличия кормов для оленных стад. Северные люди ведут упорную каждодневную борьбу за существование, которая и накладывает своеобразный отпечаток на весь уклад их жизни, технику и социальные отношения.

Народы эти не имеют своей письменности, грамотные (по-русски, зырянски или якутски) люди насчитываются среди них единицами, десятками. Тяжесть прошлого наследия давит их. Большинство из них суеверны, недоверчиво относятся к более культурным соседям, многое из того, что нам привычно, воспринимают весьма своеобразно.

Но грань между ними и другими народностями нашего Союза лишь временная. Из года в год малые народности Севера теснее связываются с другими более культурными народами Союза. Просачиваются новые речи, новые думы, новые дела. Северному человеку говорят: „В прошлом с тобой поступали несправедливо, тебя обирали, морочили тебе голову. У тебя отбирали твои лучшие угодья, добытую тобой пушнину хитро выманивали за безценок, на водку, на безделушки. Тебя держали в темноте, смеясь над твоим невежеством“.

„Теперь пришли иные времена — каждая народность, как бы мала она ни была, имеет полное, одинаковое со всеми право по своему строить свою жизнь“.

„Север ваш! Вы его хозяева. Берегите свое богатство, налаживайте свое хозяйство, свою жизнь, перестраивайте быт, а мы вам поможем!“.

И северные народы, обитающие в дебрях тайги и тундры, очнулись, оглянулись удивленно — исчез дружок-купец, спаивавший водкой, исчез урядник, собиравший ясак.

Притихли шаманы и князьки. По тайгам, по тундрам идут сугланы — собрания туземцев, говорят всюду о новой большой работе. Задача нашей книжки показать Север, туземные советский Север на стройке.

Хозяйство северных туземцев

Туземное хозяйство северных окраин, являясь по существу промысловым хозяйством смешанного типа, значительно видоизменяется в зависимости от природных условий, в которых оно развивается.

Основные группы северных туземных хозяйств по основным видам промысла могут быть представлены в следующей схеме: *(См. схему на стр. 12).*

Таким образом, мы видим, что повсюду в туземных хозяйствах более или менее значительную роль играет охота, являющаяся то основным, то важнейшим подсобным промыслом.

Основной промысел.	Подсобные промысла.	Зоны распространения.	Народности.
Промышленное оленеводство.	Для тундры: охота на песца, морского зверя, дикого оленя, извозный промысел, рыболовство.	Тундра.	Ненцы, юраки, долгане, юкагиры, чукчи.
	Для лесотундры: охота на песца, дикого оленя, горностая, лисицу, куропатку, рыболовство и извозный промысел.	Лесотундра.	Лопари, ненцы, юраки, остяки, остяко-самоеды, тунгусы, юкагиры, ламуты и коряки.
Охотничье кочевое хозяйство в тундре: охота на песца в лесотундре и в лесной зоне — охота на пушного зверя.	Промысловое (транспортное) оленеводство, рыболовство и извозный промысел.	Тундра и лесотундра.	Ненцы, юраки, долгане. Остяки, остяко-самоеды, кеты (енисейцы), ламуты.
Охотничье полуоседлое хозяйство; охота на пушного зверя.	Промысловое оленеводство, рыболовство, животноводство, извозный промысел.	Лесная зона (тайга).	Орочоны, ламуты, тунгусы, остяки, вогулы, удэ.
Рыболовство.	Охота на пушного зверя, водоплавающую дичь, животноводство, огородничество, извозный промысел, сбор ягод и ореха.	Лесная зона (тайга).	Остяки, гольды, гиляки, ульчи.
Морской зверобойный промысел.	Охота на песца, белого медведя, собаководство.	Прибрежная полоса и острова Полярного моря.	Ненцы, чукчи, эскимосы и отчасти коряки.

Добыча рыбы распространена на севере не менее чем охота. Но рыболовство резко отличается от охоты своим потребительским характером — за исключением некоторых районов туземцы не сдают добытой рыбы в качестве товара, но пользуются рыбой, как основным видом питания.

В тех местах, где недостаток ягельных пастбищ лишает северного промысловика возможности держать ездовых оленей, взамен оленеводства возникает разведение ездовых собак. Собаководство — особая отрасль северного животноводства, имеющее всегда лишь промысловое, подсобное значение.

Оленеводство является наиболее устойчивым видом северного хозяйства, дающим туземцу более или менее обеспеченное существование, независимое от „урожая" промыслового зверя или от „хода" рыбы. Но в то же самое время именно на почве владения оленным стадом для зажиточных владельцев является возможность эксплоатации беднейших своих сородичей. Именно на этом участке социально-экономического фронта ведется в настоящее время борьба за освобождение малоимущих туземцев из-под экономической кабалы, в которую они попали вследствие своей необеспеченности оленями.

В оленеводческих районах севера и должна развернуться работа по перестройке экономического быта туземцев на основе не только рационализации хозяйства, но и обобществления основного источника существования в тундрах — оленных стад.

Ниже в соответствующих разделах мы и рассмотрим хозяйство северных туземцев по отдельным отраслям—по оленеводству, охотничьему промыслу и рыболовству.

1) Оленеводство

Недаром при слове „Север" в сознании возникает примерно такая картина: огромная равнина, засыпанная снегом, под сумрачным, низко-нависшим небом, и нарты, запряженные ветвисторогими оленями. На нартах — человек, закутанный в оленьи шкуры, на ногах — пимы из оленьих же шкур, нарты связаны оленьими ремнями. Едет человек и мечтает о теплом чуме, покрышка которого сшита из оленьей равдуги [1]), о сытной еде—сыром, дымящемся мясе оленя, о теплой крови только что зарезанного хозяином „зверя".

„Основой экономического благосостояния туземцев крайнего севера является их оленное хозяйство. Состояние оленного хозяйства туземца полностью определяет и обусловливает его благосостояние, его экономическую мощность. И зна-

[1]) Равдуга—выделанная кожа.

чение оленей в хозяйственном укладе туземца нашего севера гораздо большее, нежели молочно-сырьевого скота в экономике крестьянина".

Но олень нужен не только туземцу. Как только мы зададемся вопросом о том, в каком направлении нам следует развивать хозяйственное использовование северных окраин, мы непременно приходим к мысли, что оленеводство, при надлежащей постановке дела, может стат очень важной отраслью нашего народного хозяйства.

Олени дают превосходного качества мясо, получившее в последнее время экспортное значение, прекрасную замшу, довольно ценную пушнину (выпороток), экспортную шерсть для набивки матрацов, кость (рога) для разных поделок и тяговую силу. Сейчас у нас насчитывается 2.478.000 северных оленей, что приблизительно соответствует довоенной цифре. Но эта цифра говорит о невероятной отсталости нашего оленеводства, сильно подрываемого периодически повторяющейся стихийной бескормицей, эпизоотиями (особенно чесоткой, копытницей и сибирской язвой), оводом и вырождением из-за беспорядочной случки.

При племенном улучшении стада, достаточной ветеринарной помощи и заготовке кормов на зиму (что вполне возможно) полярные тундры в состоянии прокормить, по крайней мере, 20 миллионов оленей. Этой цифры оленьего стада за полярным кругом, основанной на самом осторожном подсчете, мы можем и должны добиться. Уже за текущую пятилетку оленье стадо советской Арктики может быть доведено до 5 млн. голов". (*Проф. С. А. Бутурлин*)

„В оленеводческом хозяйстве до революции почти не существовало ветиринарной и зоотехнической помощи. Сейчас работают: 4 ветбакинститута, 13 стационарных ветучастков (при ветбакинститутах и культбазах), 27 подвижных ветотрядов, 5 зоотехнических пунктов и одна опытная оленеводческая станция. Ижмо-Печорский ветбакинститут достиг весьма больших успехов в борьбе с сибирской язвой. Якутский ветбакинститут открыл средство борьбы с копытницей путем прививок. Ветучасток Туринской культбазы провел успешную борьбу с застарелой эпизоотией чесотки".

Победа над чесоткой в районе Нижней Тунгуски на ветпункте Туринской (тунгусской) культбазы является весьма крупным событием в деятельности наших молодых учреждений на северных окраинах.

На втором году работы культбазы поступило на излечение около полуторы тысячи оленей. Больные олени были подвергнуты лечению мазью — линиментон, окуриванием в газокамерах и купанием в ваннах с креолином.

В конце года оказались излеченными 80%
погибло 1%
на повторное лечение оставлено 19%

Культбаза, таким образом, спасла огромное стадо ездовых оленей, столь необходимых туземцу-охотнику.

В дальнейшем база охватит ветеринарной помощью район еще шире.

Работа пойдет и вширь и вглубь.

„Спасти оленя туземцу — это еще не все. Нужно одновременно научить его самого спасать своего оленя хотя бы от одной-двух болезней, которые являются несложными как по определению их, так и по технике лечения, но имеют свойство поражать широкие оленные массы и причинять подрыв кочевому хозяйству".

Чтобы успешнее вести борьбу с заразными болезнями, губящими оленные стада, а также вести работу по улучшению самой породы оленей, необходимо было развернуть научно-исследовательскую работу в этой области и „научить туземца самому вести борьбу с болезнями оленей. Обследование и изучение сибирского оленя дало свои результаты. В различных районах северных окраин установлены различные породы оленя, обладающие определенными своеобразными чертами.

Выяснены основные заболевания оленя, причины их и способы лечения, обнаружены главные очаги заразы и методы борьбы с эпизоотиями. Выяснены и другие причины катастрофического падения оленеводства, помимо болезней, а, следовательно, стали известны и пути к борьбе с его падением.

Одним из практических мероприятий, имеющих целью восстановление падающего оленеводческого хозяйства, следует считать снабжение оленями туземных оленеводческих коллективных хозяйств.

Опыт снабжения малооленных районов показал, что лучшим способом для снабжения оленями, для укрепления оленеводства является создание племенных оленных стад, племенных рассадников, откуда в кредит отпускаются туземцам лучшие олени-производители.

Такие племенные рассадники или питомники создаются в настоящее время в целом ряде туземных районов. Туземное население, заинтересованное данным мероприятием, на сугланах и с'ездах поднимает вопрос об их создании.

Наряду с этим поставлен вопрос о государственном страховании оленных стад.

Особенно важное значение в деле улучшения оленеводства и роста оленных стад будут иметь северные оленеводческие совхозы. Совхозы явятся базой для снабжения туземных коллективных оленных хозяйств племенным материалом. Совхозы

будут работать не только над количественным увеличением оленных стад, но и над качественным улучшением породы северных оленей. Совхозы явятся наглядной школой, которая на практике, на живом олене станет показывать туземцу, как надо ходить за оленем, как надо бороться с болезнями, с волками, с бескормицей. Совхозы же дадут и базу для внедрения индустриальных предприятий по обработке оленного сырья, по выработке из шкур—замши, из оленьего мяса—консервов. Оленные совхозы явятся организаторами коллективных оленных хозяйств.

Благодаря работе оленеводческих совхозов будет разрешена важнейшая проблема советского хозяйства — увеличение товарности оленеводства, и тем самым будет дан мощный толчок к развитию этой важнейшей отрасли северного хозяйства.

Размеры оленеводческих совхозов будут определяться местными условиями в зависимости от размера имеющихся пастбищ. Ориентировочно Наркомземом предусматривается размер совхоза-стада в 15—60.000 голов, разделенных на звенья по 2.500—3.000 голов для удобства выпаса. Крупное советское хозяйство дает возможность обеспечить стадо уходом подготовленного штата ветеринаров и зоотехников, что и послужит огромным толчком для внедрения в туземную среду навыков к более культурному ведению оленного хозяйства. В течение пяти лет будет организовано 15 совхозов, распределяющихся по округам следующим образом: Мурманский окр.—1, Колымский окр.—2, Ненецкий окр.—2, Чукотско-Анадырский окр.—2, Коми область—1, Карагинский район—1, Тобольский окр.—3, Пенжинский район—1, Туруханский край—2, Охотское побережье—1, а всего 15 совхозов с 400.000 оленей. Эти оленеводческие совхозы явятся школой для всех оленеводов-туземцев.

Кроме того, пятилетним планом северного хозяйства предусматривается целая система других мероприятий по оленеводству. От стихийного промысла к организованному хозяйству—таков путь северной пятилетки. К числу главнейших мероприятий пятилетки по оленеводству относятся:

1) разграничение пастбищных и ягельных угодий;

2) организация при каждом совхозе и в районах распространения оленеводства зоотехнических и ветеринарных пунктов из расчета первых на сто тысяч и вторых—на 50 тыс. оленей по одному пункту;

3) организация разного рода элементарных сооружений: загонов, кораллей [1]), специальных мест для отела-важенок [2]) и ухода за молодняком;

---

[1]) Изгородей для ловли оленей.

[2]) Важенка—самка оленя.

4) организация газокамер и ванн при ветпунктах в районах распространения чесотки;

5) организация охраны стада и усовершенствования техники пастушьего дела;

6) проведение мероприятий зоотехнического порядка; установление наиболее рентабельного полового и возрастного соотношения оленей в стаде, регулирование случек, своевременная выбраковка оленей, установление правил для отбора убойных оленей и пр.;

7) проведение мероприятий по борьбе с разного рода эпизоотиями, болезнями оленей, носовыми оводами и т. д., а также стихийными бедствиями, с волками и пр.

При настойчивом проведении всех этих мероприятий наше оленеводство может достигнуть весьма крупных результатов и стать поставщиком мяса, ценных шкур, мехов, замши.

Примером того, насколько может оленеводство быстро стать важной отраслью хозяйства, служит Аляска.

Во время плавания в северных водах в 1890 г. д-р Джаксон обнаружил, что в Сибири на восточных берегах Берингова моря туземцы ведут независимый образ жизни, благодаря своим стадам прирученных северных оленей, тогда как на том же берегу на американской стороне эскимосы с трудом боролись с ожидающей их каждый год голодной смертью, находясь всецело в зависимости от рыболовства.

Возратясь в Вашингтон, д-р Джаксон стал настоятельно указывать правительству на необходимость завоза северных оленей в Аляску. На это мероприятие удалось собрать 2.146 долларов и купить в 1891 г. 16 оленей, а в 1892 г.—171 оленя. Импорт продолжался до 1902 года. Общее количество импортированных животных равнялось 1.280 головам. Северный олень нашел в Аляске изобилие корма и ничем не поврежденные пастбища.

Естественный прирост оленей увеличивался с каждым годом и к первому июля 1929 г. их было более 1.000.000. К этой цифре надо еще прибавить 300.000 с лишним голов, употребленных в пищу и на изготовление одежды.

В настоящее время эти обширные стада рассматриваются правительством С.-Американских Соединенных Штатов не только как поддержка туземного населения, гарантирующая его от голодной смерти, но и как многообещающая промышленность, на которую можно расчитывать в деле увеличения на миллионы фунтов мяса сокращающейся мясной продукции С. А. Штатов.

Но одно дело было ввести северных оленей в Аляску, а другое и более трудное дело было приучить охотника-кочевника к уходу за оленями. В целях разрешения этой задачи Бюро просвещения ввело особую систему практического обу-

Кабинет Севера
Обл. Библиотеки
им. А. М. Добролюбова

чения. Выбирались молодые эскимосы из наиболее способных и помещались при стадах. Для большего успеха предприятия из Северной Норвегии было выписано несколько лапландцев с семьями в качестве инструкторов по оленеводству. Четыре года длился курс обучения и расчет производился оленями и продовольствием. По истечении четырех лет ученик, окончивший курс обучения, владел уже собственным небольшим стадом, с которым он и перекочевывал на собственный участок, но оставался в ведении и под управлением Бюро. Новый собственник в свою очередь был обязан принимать учеников эскимосов и производить с ними частичный расчет оленями. Чтобы сохранить оленеводство исключительно для эскимосов, правила Бюро запрещали раздачу оленей кому бы то ни было кроме эскимосов. Однако, лапландские инструктора, люди чрезвычайно опытные в оленеводстве и хорошо знавшие выгоды этого дела, не хотели принимать приглашения на работу в Аляске, пока американское правительство не гарантировало им своей помощи в разведении собственных их стад. В дальнейшем правительством были заключены контракты, по которым каждый инструктор получал 100 оленей, которых он был обязан вернуть по истечении пяти лет, сохраняя за собой весь приплод.

В качестве иллюстрации быстроты размножения северных оленей при хорошей организации дела приводим следующий конкретный пример.

В 1901 году правительство одолжило лапландцу Альфреду Нилима 24 оленей-самцов и 75 оленей-самок. В 1906 г. Нилима вернул 99 оленей, оставив себе приплод. В 1908 г. он разделил свое стадо в 800 голов со своей женой эскимоской, оставив себе 400 голов. По мере роста стада Нилима нанимал других лапландцев в качестве пастухов, производя с ними частный расчет оленями. В 1914 г. он продал свое стадо, насчитывающее к тому времени 1.200 голов. В 1917 г. его прежние пастухи продали 1.717 штук и в 1921 г. еще 1.606 штук. Все это количество явилось приплодом основных 99 оленей.

Посредством обучения и договоров с лапландцами образовалось много стад и с ростом количества оленей оказалось необходимым искать новые участки. Некоторые владельцы имели свои стада на севере, другие на юге, по побережью.

В настоящее время страна покрыта стадами, распространяющимися от самой северной части Аляски до Тихого океана и от Берингова моря внутрь страны до железной дороги, при чем на 1 человека на территории Аляски приходится 20 оленей. Оленьи стада увеличиваются ежегодно на 39%. Имея площадь лугов в 350.000 кв. миль, Аляска в состоянии постоянно прокармливать 5.000.000 оленей.

Пример Аляски говорит за то, что и мы сможем увеличивать наши стада оленей и довести их к концу пятилетки до 5.000.000. Предельная же цифра оленных наших стад—20.000.000.

Но помимо материальных выгод реорганизация оленного хозяйства имеет и огромное социально-политическое значение.

«Развитие оленоводства через колхозы, помимо увеличения экспортных и пищевых ресурсов страны, должно явиться средством проведения революции на крайнем севере, где еще до сих пор остались родовые туземные «феодалы», родовые «князьки» и кулаки, закабалившие бедняцкие и середняцкие слои туземного населения. Вопрос необходимости быстрейшего проведения этой революции уже достаточно назрел.

Такая социально-экономическая переделка олоневодческого хозяйства на базе коллективизации его даст возможность переделать и быт самого кочевника-туземца с первобытной культурой на высшую ступень социалистической культуры».

2) Охотничий промысел

На далеком севере только тот хозяин, у которого в стаде насчитывается не менее 300 голов оленей, сможет просуществовать за счет этого стада, обойтись без подсобного промысла.

Но такие хозяйства насчитываются единицами и десятками, а большинство туземцев располагает значительно меньшим количеством этих животных.

На севере каждый почти добывает себе более или менее значительную часть средств к жизни охотой за пушным и мясным зверем.

«Крестьянина южной и средней полосы нашего Союза,—говорит С. А. Бутурлин,—кормит лето; стоит теплое лето, перепадают во-время дожди, устанавливается во-время ведро,—получается хороший урожай хлебов; северянина, наоборот, кормит зима, зимний охотничий промысел. Промысел дает ему драгоценную пушнину, на выручку с которой покупаются привозные товары. Промысел дает и мясо, и шкуры на постели, на ровдугу, на одежду и обувь, на ремни, камасы, на подбивку лыж и многое другое, необходимое для обихода.

И в голодное весеннее время, и летом при недоловах рыбы промышляют и с'едобного зверя, и птицу, но все же главный промысел—зимой.

Основные растительные зоны нашего севера—тайга и тундры—располагают своеобразным животным населением, служащим предметом охоты.

Из промысловых зверей чисто тундровыми можно назвать только двух: песца и ошкуя (белого медведя). Оба хищные звери. Песец—это маленькая полярная лисичка, летом буро-

вато-серая с желтоватым низом, зимой же снежно-белая. Кроме того, есть еще так называемый голубой песец, мех которого и зимой буровато-серый с лиловатым оттенком. Он ценится раза в полтора-два дороже белого песца.

До войны песца добывалось у нас от ста до полутораста тысяч штук. За последние годы добывается вдвое меньше: в 1927/28 г.—77 тысяч, в 1928/29 г.—54 тысячи (и около 10 тысяч синяка). Цена на первосортного песца от 35 до 45 руб. Это—хороший заработок для тундрового охотника, но все же такое падение добычи, означающее падение количества песца в тундре, не может не беспокоить.

Главнейшей причиной такого уменьшения является раскапывание нор и истребление щенят и невыходного зверя, а также и несовершенство ловушки на них (пасти), и редкие (2-3 раза в зиму) осмотры этих ловушек охотником. В результате этого попавшийся в ловушку песец подвергается нападению со стороны хищных птиц или же пожирается своими сородичами.

На ряду с песцом тундровым зверем надо считать и огромного ошкуя, или белого медведя, достигающего размеров значительно больших, нежели бурый лесной медведь. Ошкуя можно назвать морским зверем: большую часть жизни он проводит на морском льду, подстерегая здесь и скрадывая нерпу и разных других тюленей и даже иногда молодых моржей.

Ошкуй так превосходно плавает и ныряет, что способен поймать лосося в море, и уплывает в море на десятки и десятки километров от берега и льдов. Охота за ним требует от охотника исключительной выносливости.

Шкура ошкуя ценится хорошо, до 100—200 руб., смотря по величине, но добывается их в год всего 300-400 штук.

В тундре встречаются нередко и другие звери, свойственные более полосе тайги. В числе их отметим: лисицу (красную, сиводушку и чернобурую), горностая, выдру и волка.

Тундровый волк много крупнее и светлее более южных пород и расценивается дороже. Но добывается их в год всего около 2—3 сотен. Всего же по переписи добыто на Севере в 1926/27 г. около 800 штук волков—цифра довольно правдоподобная.

Часто лесным обитателем и важнейшим пушным зверем тайги является белка (векша). За ряд десятилетий от 60 до 40% всего нашего пушного экспорта по ценности падало на белку, несмотря на дешевизну ее шкурки. «Урожаем» белки, успехом белкованья определяется бюджет таежного промышленника еще в большей степени, чем песцом для тундрового.

В довоенное время у нас добывалось около 15 милл. штук

белки в год—за последние годы около 11—13 милл., при чем согласно переписи на долю туземного населения северных окраин приходится около 3 млн.

Другим важным пушным зверем тайги является колонок разновидность хорька, который распространен от западных предгорий Урала до Охотского моря. До войны колонков добывалось до полумиллиона штук в год, в последние годы—около 350 тысяч в год. Из них на крайнем севере, по приполярной переписи, около $8^1/_4$ тысяч штук. Заграничные цены на него доходят до 10—12 руб.

Соболь пользуется широкой славой, как один из самых ценных пушных зверей. Когда-то он был распространен по всей нашей тайге до крайнего запада. Но погоня за драгоценными шкурками была так усердна, что на большей части площади тайги, даже в таких глухих местах, как Индигирско-Колымский край, он давно уже до-чиста истреблен и сохранился только отдельными пятнами, главным образом в гористых местах: на Урале—в области верхней Печоры, Конды и С. Лозьвы, Саяны, в Баргузинском хребте, Уссурийском крае, Камчатке и нек. др.

Качество соболей из разных мест очень различно: баргузинские и камчатские соболя оцениваются в сотни руб., а тобольские и монгольские иногда дешевле хорошей куницы.

Последние годы до войны соболя добывалось около 35 тысяч штук в год, а теперь добывается около 12-13 тысяч (на крайнем севере, по переписи, 1.759 шт. в 1926/27 г.).

Кроме того, из пушных зверей добывают на севере: россомаху, куницу, выдру, бурого медведя, из мясных—лося, дикого оленя, изюбря и др. Помимо того следует упомянуть о добыче гаги.

В 1926/27 г. по данным приполярной переписи (для 17.727 хозяйств, для всего севера надо увеличить цифры на 30%) добыто: лебедей—3.569 штук, гусей (и казарок)—171.704, уток (всяких)—619.201, гаг (не гагар) 2.318, рябчиков—48.729, тетеревов—40.323, глухарей—64.073, белых куропаток—742.747, прочих—16.042, а всего—1.708.708 шт., т.-е. 20 штук на «душу».

Разные виды диких уток и гусей водятся за полярным кругом в таком количестве, что во многих местах жители ловят их «воздушными» неводами, так называемыми „перевесами".

В 1902 г. на острове Колгуеве 94 самоеда обоего пола заготовили для себя в общественных мясохранилищах не менее 20 тыс. гусей.

Особо надо отметить наличие в наших тундрах гаги, дающей очень ценный пух. Но северяне не берут гаги, и вместо того, чтобы заботливо выбирать пух из гнезд, которым гага его выстилает и который необыкновенно ценен по каче-

ству, гагу убивают, с убитой же гаги пух получается низкого качества.

Охотничий промысел на севере по существу является основным источником существования, особенно для туземцев.

Приведем пример: продукция охотничьего промысла, рыболовства и оленеводства для туземных кочевых хозяйств Туруханского края выражается в следующих цифрах: Охотничий промысел 1.613.173 р. 10 к. Рыболовство 525.554 р. 92 к. Оленеводство 400,268 р. 52 к. Итого 2.538.996 р. 54 к.

Охота для многих туземных племен является почти единственным источником существования. Их жизнь почти всецело зависит от урожая песца или белки.

Но состояние охотничьего промысла таит в себе серьезнейшую опасность: количество пушнины из года в год резко падает.

В конце XVI века одна (сравнительно очень еще небольшая тогда) русская Сибирь давала ясаку 200.000 соболей в год, что давно уже не дает и вся северная Азия. Один Гижигинский район Дальнего Востока в 60-х годах давал около 1.000 соболей в год, в 1891 г.—только около 500 штук, а за последние года всего 1—2—3 штуки в год. Амгунский район и наша часть острова Сахалина давали вместе в 1912 г. 1.115 соболей, а в 1924/25 г. — только 73 шт. Песца добывалось на Камчатке в 1916/17 г. — 14.500 шт., а за последние годы — от 5 до 8 тысяч штук. Сиводушка там же за соответствующие годы добыта в количестве: за 1916/17 г.—4.000 шт. и за 1924/25 г.—460 шт. (уменьшение почти в 10 раз). О чернобурой лисе нечего и говорить. Около 30 лет назад ее добывали еще в общем в количестве около 4.000 шт., а теперь она насчитывается только десятками. Но и с обыкновенной красной лисой замечается сильное падение: в Амгунском районе и на Сахалине в 1912 г. добыто 630 шт., а в 1924/25 г.—450 штук, в то время как в 1905/1909 г. на Ирбитскую ярмарку было привезено 795.100 штук, в 1910/14 г. это число упало до 252.900 штук.

За пятилетие на Якутскую ярмарку всей пушнины было привезено в 1900/04 гг. 800 тысяч штук, а в 1905/09 гг.—75 тыс. штук; уменьшение почти в 11 раз. За последние 20 лет ежегодно сбор всей пушнины упал по Якутии еще вдвое.

Не лучше обстоит дело и с легко размножающейся и являющейся основной нашей пушниной—белкой. По Сибирскому краю ее собрано в 1923/24 г. 15.370 тыс. штук, в 1924/25 г.—14.876 тыс. штук и в 1925/26 г.—11.358 тыс. штук.

Наиболее губительной причиной падения охотничьего промысла являются лесные пожары и вообще уничтожение лесов. Переселенцам, поселившимся на таежных участках, в первую

очередь приходится вести решительную борьбу с лесами, освобождая от них площадь своего земельного надела. Способом радикального истребления лесов на крестьянских землях в иных местах является так называемый способ „чертежа", когда с каждого сырорастущего дерева сдирается топором широкая, в 4—6 вершков, лента древесной коры. Через несколько лет подчерченные таким способом деревья сгнивают и валятся на землю, их собирают в кучи и жгут. Сжигание производится безо всяких мер предосторожности, отчего возникают сильные лесные пожары.

Охотникам хорошо известно, что приносит охотничьему и лесному хозяйству всякий лесной пожар. Старожильческое охотничье население, вспоминая бывшую у них под боком тайгу, проклинает теперь человека, ее поджегшего, лишившего охотников близкого и обильного для них дохода.

Другой причиной падения охотничьего промысла является неразумное использование охотничьих угодий — выбивание зверей сверх нормы, истребление беременных самок, недоросших зверей. Не последнее место в ряду этих причин занимает и пользование несовершенным и вредным орудием и способом лова.

Из-за недостатка хорошего оружия и дороговизны огнеприпасов, несвоевременного и недостаточного завоза их северяне применяют ряд самодельных, очень вредных ловушек.

Пушной зверь добывается разными пастями, кулемками, петлями и силками. В подобных самоловах по самым условиям их применения пропадает и портится от перемен погоды и от крупных и мелких хищников огромный процент попавшей в них добычи. Самое это обстоятельство в связи с необходимостью свести концы с концами своего бюджета заставляет промышленника усиливать промысел (что при системе самоловов и не так трудно) и губить таким образом много больше животных, чем он использует.

Копытный зверь также массами губится из-за несовершенных способов охоты (обкладыванием при плавах стад через реку, загаиванием по весеннему насту, а также ямами и самострелами). Иногда целое стадо лосей или оленей, загнанное по насту, вовсе не может быть использовано из-за перемены погоды — по распустившемуся насту ни мяса, ни шкуры не увезти.

Хорошее ружье на севере, по мнению (проф. Бутурлина) сделает ненужными и невыгодными эти массовые избиения копытных.

Огромное значение для развития охотничьего промысла будет иметь проводимая на севере рационализация охотничьего

хозяйства. Основы для такой рационализации имеются в хозяйственных навыках самих туземцев.

Таковы, например, обычай туземцев оставлять заповедники или „священные" неприкосновенные угодья. Туземцы Камчатки, Урала и других мест практиковали это на сотни лет раньше, чем подумали о заповедниках и национальных парках в Америке и Европе.

Все разумные мероприятия в части рационализации промыслов, при условии умелых раз'яснительных бесед на районных с'ездах — сугланах — будут глубоко понятны и осознаны самими кочевниками.

Туземцы исстари соблюдали ряд обычаев, регулирующих промысел. Но пришлый элемент, в целях хищнической эксплоатации, ввел другие способы охоты. Теперь советская власть производит организацию охоты на новых началах.

Уже и сейчас кооперативное движение охватывает значительную часть местного населения, об'единяя его в интегральные товарищества и союзы. Всекохотсоюз, в систему которого входит большая часть северных интегралов (см. главу „Туземная кооперация"), несмотря на свои скромные средства, начал уже проводить на Сибирском и Уральском севере производственные улучшения.

Пятилеткой по охотхозяйству Сибрайохотсоюза намечено приписать к системе 278 милл. га, из которых охотоустроить 220 милл. га. На этом пространстве устроенных охотугодий мы должны организовать 440 охотхозяйств—производственных коллективов с 50.000 членами в них. Капитальное вложение в это устройство за пятилетие определено в 7.780.000 руб. К концу пятилетия должны устроить 63 проц. всех охотугодий в Сибири и производственно кооперировать 50 проц. охотников.

Одним из важнейших вопросов охотоустройства является размежевание, разграничение угодий. Мы можем детально проследить, как в протоколах туземных сугланов — с'ездов, заседаний родовых советов отражаются потребности туземцев, являющиеся для них наиболее острыми. Из этих протоколов явствует, что самым ударным является вопрос об их земельном устроении, вопрос об уточнении границ их земли, водопользования и защита этих угодий от пришлого элемента, эксплоатирующего промысловые угодия.

Мы уже отмечали, что у туземцев исстари появилась идея о заказниках. Туземцы сознают их значение и всячески оберегают от вторжения непрошенных гостей. Приведем пример: на общем собрании членов В.-Тазовского кооператива в Туруханском районе обсуждался вопрос о недопущении браконьер-

ства [1]) в Ваховском заказнике (со стороны туземцев, кочующих в районе вершины р. Таза).

В результате мы имеем постановление собрания не только о ненарушении границ Ваховского заказника, но и по предложению председателя В.-Тазовского кооператива туземца Ирикова (Юя) вынесено постановление об организации заказника между разветвлением вершины реки Таза площадью около 50.000 квадр. км., покрытой исключительно хвойным лесом. В этом районе в значительном количестве водится белка, колонок, горностай, лиса и др. звери. Помимо этого, в районе заказника имеется три озера, и это говорит за то, что заказник будет полезен как для боровой, так и водоплавающей дичи.

Огромное значение для жителей Севера будет иметь и организация зверовых питомников.

На с'езде туземцев был сделан доклад о задачах питомника. Туземцы, одетые в рваные парки и засаленные женские платки, тесно набились в комнату. Лицо докладчика плавало в табачном дыму. „Раньше Туруханземля сколько организаций лавка держал?" спрашивал докладчик и тут же отвечал: „семь организаций". „Каждая лавка белку да покупал, а откуда остяк зверя добывает, об этом говорки не было".

Содержание доклада сводилось к тому, что в настоящее время пора позаботиться не только о добыче зверя, но и о восстановлении его запаса. Количество промыслового зверя с каждым годом уменьшается. Добыть зверя стало трудно. Правительство вынуждено принять ряд мер, направленных на сохранение зверья. Одной из таких мер является организация питомников.

На примере питомника туземные охотники должны учиться культурному звероводству.

Произнося последнюю фразу доклада, оратор растер на лбу мелкие бисеринки пота. Собрание шумно зашевелилось. Остяк в рваной парке и в тяжелых американских ботинках первый закричал одобрительно:

— Хороший слово!

Енисейцы (кеты) приняли питомник.

Часть туземного северного населения, лишившаяся оленей, за отсутствием средств передвижения в настоящее время осела у озер и влачит полуголодное существование. Эта часть туземцев и может быть использована для организации звероводческих хозяйств-питомников, а в связи с этим переведена и на постоянную оседлость и коллективные формы хозяйства.

По Туруханскому краю тунгусы Норильских гор и с Хантайского озера, самоеды Авамской и Вадеевской орд, кочую-

[1]) Браконьерство — несвоевременная охота.

щие к северо-востоку от р. Пясиной, юраки, долгане и затундринские крестьяне с далекой Хатанги, как и многие туземцы-северники, очень живо интересуются способами приручения и содержания песцов по всем правилам. Идея звероловства захватила население, живущее по Енисею, верст на 30 к северу и югу от Дудинки. На этом пространстве уже возникло несколько питомников. Так например, на станке Плахино сейчас уже более 10 белых песцов, и можно уверенно сказать, что не далеко то время, когда в Дудинском районе многие семьи туземцев будут иметь по небольшому песцовому хозяйству.

Развитие пушного звероводства в Сибирском крае намечается по двум направлениям: по линии Госторга предположено строить крупные (до 1000 пар и больше) фермы, для накопления ценного и племенного материала и массового производства ценных мехов по линии охотоопорации, которая организует массовое коллективное строительство звероводческих хозяйств.

Охотничья кооперация Сибири имеет уже две таких базы, одну в Томске, другую в Туруханске, и ныне приступила к строительствуу Новосибирской базы.

В этих базах будут открыты школы для будущих звероводов, где они получат необходимые знания для того, чтобы вести звероводческое хозяйство.

Базы будут работать почти на всех зверях своего района. Так, в районе Туруханского края, где водятся песцы и лисицы, база будет на них и работать. Нарымско-Томская—с лисицами, норкой и соболями и, наконец, Новосибирская—на соболе, выдре, норке и лисице.

Но на ряду с организацией питомников необходимо строжайшим образом упорядочить и самый промысел.

Разработано, благодаря почину Комитета Севера и содействию Всекохотсоюза, и принято Советом Народных Комиссаров, „Положение об охотничьем хозяйстве РСФСР", являющееся последовательной разработкой того основного принципа, который выражен был в „Правилах производства охоты, сроках и способах", утвержденных Президиумом ВЦИК еще 24 августа 1922 г. Принцип этот состоит в том, что „дичь и пушные и другие промысловые звери являются собственностью государства (т.-е. самостоятельным хояйственным фондом, а не просто принадлежностью земельных угодий, как было до революции) и что охота есть государственно-хозяйственная плановая деятельность».

В связи с этим северная пятилетка намечает следующие мероприятия по улучшению охотничьего хозяйства:

а) обследование охотничьих угодий; б) отграничение и приписка охотничьих угодий к охотколлективам и об'едине-

ниям; в) выделение заказников и т. п.; г) проведение мероприятий по приведению охотничьих угодий в порядок, повышению их производительности, предотвращению пожаров и т. п.; д) организация охраны заповедников и заказников; е) реорганизация орудий промысла, снабжение ружьями и патронами, механическими усовершенствованными ловушками, полное искоренение вредных ловушек (ловушек, давящих зверя своей тяжестью), и др.; ж) организация в коллективах регулярного обхода расставленных ловушек; з) введение системы количественного отстрела и периодического запрета; и) организация звероводческих питомников и зооферм промышленного характера; к) акклиматизация и разведение ценных пушных зверей—ондатры и пр.

Все это, конечно, связано с затратой большой энергии и больших средств. Будет ли это оправдано?

Все мы должны знать, что пушнина составляет значительную статью нашего экспорта, и притом очень ценную. Приведу пример. В прошлом году (1929 г.) в Лондоне был продан один баргузинский соболь за 12.000 руб. (т.-е. дороже стоимости 8 килограммов золота. Нужно отметить, это не был выдающийся экземпляр, а просто хороший соболь—головной, как его называют местные охотники).

Маленький комочек, который можно спрятать в карман брюк и который займет места не больше чем носовой платок, стоит больше, чем 18 вагонов хлеба, и за границей за него дадут многое, чего у нас нет и что нам так необходимо (соболь водится только в СССР) [1]).

„Общий пятилетний план страны строится с расчетом на экспорт сырья за границу. Из-за границы мы получаем в общем машины и техническое оборудование, без которых немыслима индустриализация страны. А так как наша пятилетка в своей основе имеет увеличение экспортного сырья и дальнейшее увеличение экспортных возможностей, становится очевидным, что чем больше мы будем давать нашему советскому государству экспортного сырья, тем больше советское государство будет ввозить необходимых машин, тем быстрее будет индустриализироваться наша страна".

Каким же путем возможно увеличивать необходимые советскому государству экспортные возможности? Ответ один: из охотничьих, рыболовных угодий можно организовать охотничьи, рыболовецкие хозяйства.

Об'единяя промысловиков в производственные кооперативы, возможно будет прекратить несовершенный и губительский способ хозяйствования в угодьях. В то же время коллек-

---

[1]) Пример заимствован из журнала „Охотник и рыбак Сибири".

тивизировать охотничий промысел на рациональных началах— это значит увеличить благосостояние охотника.

3) Рыболовство

Если охота дает туземцу по преимуществу товар для обмена на нужные ему покупные товары, то добыча рыбы дает ему пищу, продовольствие. Рыбой кормятся и сами туземцы и их верные друзья—ездовые, пастушьи и промысловые собаки-лайки.

Рыба в сыром, мороженом, вяленом и копченом виде служит нередко единственной пищей, заменяющей хлеб и мясо. Без рыбы существование большинства северных туземцев было бы немыслимо.

Рыбу туземец севера добывает главным образом, в тех мелких речках и озерах, которые прорезывают тайгу и тундру.

Обычным временем ловли рыбы является весна и лето, а на Амуре—осень. Это позволяет сочетать в одном хозяйстве охотничий промысел с рыболовством.

Нередко занятие рыболовством для туземца связывается с перекочевкою на особые места летних промыслов, где разбиваются их временные жилища.

Вот как можно представить себе такое типичное летнее стойбище туземцев-рыболовов.

На крутом взгорке стоят берестяные шалаши. Подле них на длинных сушилах растянуты мокрые сети, а на других—распластанная рыба для сушки. От реки детишки корзинками таскают матерям только что привезенную рыбаками рыбу. Матери ловко вспарывают рыбьи животы, выкидывают внутренности и присаливают очищенную рыбу. Собаки, уже ленивые от сытости, подбирают кишки и подлизывают жир, стекающий на землю с развешанной для сушки рыбы.

В такое время все превращаются в рыболовов: мужчины рыбу ловят, женщины чистят и сушат. Дети помогают взрослым.

Все лето ловят и заготовляют впрок рыбу. Сушеная рыба называется юколой. Юкола составляет главное питание туземцев.

Осенью быстро грузят рыбу на лодки. Почти каждая лодка загружается рыбой до такой степени, что только узкая кромка борта виднеется над водой. Но все рыбаки-туземцы ловкие гребцы. На долбленных челноках своих они не боятся порогов и быстрых перекатов.

Рыбный промысел у туземцев находится в еще более примитивном состоянии, нежели охота.

Примитивны—орудия лова, а особенно способы заготовки рыбы впрок. Низкое качество посола, копчения и сушки ли-

шают рыбу, заготовленную туземцами, рыночной ценности. Отдаленность северных рыболовных районов при низкой стоимости заготовленной рыбы является важнейшей причиной слабого развития рыболовства на северных наших окраинах. В этом отношении рыба неизмеримо уступает пушнине.

Не только до революции, но и теперь торговые и заготовительные организации проявляют гораздо больше заботливости об охотнике-северянике, нежели о рыбаке. В погоню за пушниной о рыбе забывают.

„Для довоенного периода характерными для всего севера условиями рыбного промысла являлись: полная зависимость туземного населения, владеющего рыбными угодьями, от капиталистов-рыбопромышленников, являвшихся благодаря культурной отсталости и неорганизованности туземцев фактическими хозяевами рыболовных вод; отсутствие связи с внутренними европейскими рынками; отрезанность этой громадной территории, простирающейся от Уральских гор до Тихого океана, от всего остального мира, (если, конечно, иметь в виду промысел туземца Сибири, а не капиталистический промысел в водах Тихого океана). Затем относительно слабое развитие крупного промысла и в особенности отсутствие капитального его оборудования во всех прочих бассейнах Севера: на Лене, Енисее, Оби и других реках; недостаток необходимых для рыбного промысла материалов, например, доброкачественной соли в большинстве районов; плохая обработка рыбы и отсюда крайне низкое качество продукции северных промыслов, за очень редкими исключениями в виде консервного производства на Оби. Наконец, операции с рыбой по всему Северу носили, главным образом, товарообменный характер. Отдельно для Дальнего Востока надо отметить начавшееся до войны и продолжающееся падение уловов в р. Амуре лососевых рыб.

Период гражданской войны и на Дальнем Востоке интервенции отразился губительно на рыболовстве.

Главнейшими причинами упадка рыбного промысла здесь явились военные действия, отсутствие орудий рыболовства, неорганизованность туземного населения, расстройство транспорта, в особенности для летнего периода времени, играющего исключительно важную роль в промышленных заготовках рыбы, и, наконец, общие условия жизни периода гражданской войны". *(А. А. Клыков).*

По всему Северу рыболовное хозяйство после революции пришло в полный упадок. Орудия промысла у туземцев совершенно износились, пополнений не поступало, товарность была ничтожна. Многочисленные заготовительные организации, бросившиеся на Север за пушниной, отказывались принимать

рыбу, как малодоходный товар. Комитету Севера пришлось потратить не мало усилий, чтобы добиться снабжения туземцев орудиями рыболовного промысла, оказать рыболовецкому населению производственную помощь и включить в торговый оборот добываемую ими рыбу.

В настоящий момент в ряде районов (Мурман, Камчатка) рыбная продукция далеко превышает добычу 1913 года, в большинстве других достигла довоенного уровня (за исключением районов мелкого рыболовства—части Нарымского края и др.).

Общая добыча рыбы туземными хозяйствами (по данным приполярной переписи 1926/27 г.) исчисляется 437.000 центнеров. Из этого количества продано рыбы туземцами, примерно, около одной трети (немногим более); 380.000 центнеров идет на прокорм самого населения и собак (особенно ездовых).

Налаживается и изучение рыболовства. Кроме Центрального института рыбного хозяйства на севере имеется пять крупных научных рыбо-хозяйственных станций (Мурманская, Сибирская, Тобольская, Якутская и Тихоокеанская), не только занимающихся изучением биологии, техники и экономики рыбного промысла, но и проводящих в жизнь широкие организационные мероприятия в виде сплошного водоустройства, уже заканчивающегося в Нарымском крае и интенсивно ведущегося в Туруханском крае и на Тобольском севере.

Снабжение сетеснастями значительно улучшено, хотя быстро растущие потребности далеко не удовлетворяются полностью. Моторизации промыслов уделено внимания только на Мурмане. В прочих районах моторы насчитываются еще единицами.

К началу 1929/30 года в системе Всекоохотсоюза (по его сведениям) на Севере в рыболовецких кооперативных и колхозных артелях насчитывалось до 21.000 рыбаков, из них 6—7.000 туземцев. В системе Центросоюза—около тысячи туземных рыболовов.

Основными мероприятиями, способствующими поднятию рыболовства в туземных районах нашего Союза, являются следующие:

1) приписка рыбоугодий к интегральным кооперативам; 2) оборудование их засольными пунктами и жилыми помещениями; 3) снабжение населения и коллективов путем долгосрочного производственного кредита орудиями лова; 4) механизация самого лова; 5) применение лучших форм консервации рыбопродуктов; 6) очистка старых рыбоугодий и 7) об'явление заповедных водоемов и организация рыборазводных станций.

Проведение всех этих мероприятий не только укрепит материальное положение туземцев, живущих рыболовством, но и

даст нашему народному хозяйству значительное количество рыбных продуктов как для внутреннего потребления, так и для экспорта. Правильная постановка рыбного дела даст нам новые миллионы, нужные нам для перестройки всего нашего хозяйства.

Здесь уместно будет сказать и о морском зверобойном промысле, так как он исстари причисляется к рыболовству.

Морским зверобойным промыслом на северных окраинах (по данным приполярной переписи) занято более 3.000 туземных хозяйств.

Стоимость всей продукции (моржа, нерпы, лахтаков и пр.), добытой туземцами, достигает значительной суммы: в 722.000 рублей. Но товарная часть весьма невелика—большая часть продукции зверобойного промысла идет для собственного потребления, и лишь 12—13% поступает в продажу.

Для туземцев севера промысел этот имеет значение, прежде всего для эскимосов, береговых чукчей и коряков, т.-е. по берегам северной части Берингова моря, частью Охотского и побережья Ледовитого океана от Берингова пролива до устьев Колымы. Некоторое значение он имел в Енисейском заливе, им занимаются самоеды северной части Ямала и, наконец, население Новой Земли, Колгуева и Канина.

По пятилетнему плану севера в области рыбного хозяйства и морского зверобойного промысла намечаются следующие мероприятия: а) изучение и освоение рыболовных угодий, в частности в районах малого рыболовства, выявление перестилищ и организация охраны их; б) изучение морских рыболовных и зверобойных районов, выявление лежбищ и организация охраны их; в) проведение водоустройства и закрепление угодий за рыболовными коллективами и рыболовными артелями; г) моторизация рыболовецкого флота; д) механизация рыболовного промысла: механические ворота к неводам и пр.; е) организация консервных заводов; ж) оборудование бондарных мастерских, салотопен, засольных пунктов; з) введение усовершенствованных орудий морского промысла, моторизация флота; и) строительство рыбохранилищ, постройка ставов, садков и пр.

Советское строительство

1) Социальные отношения

Туземец-охотник, рыбак, оленевод, ведя упорную борьбу с суровой природой, нередко оказывается лишенным необходимого минимума средств производства. Но и среди северных туземцев встречаются хозяйства, обладающие ими в изобилии. Как и повсюду, бедняк на севере попадает в зависимость от богача. Мы можем указать примерно на следующие виды торговой эксплоатации малоимущих, малооленных туземцев: 1) скупка или прием на комиссию пушнины от безоленных и малооленных для доставки ее на фактории [1]), до которых малооленные не могут добраться; 2) перепродажа собранной и купленной пушнины по повышенным ценам; 3) доставка с факторий необходимого снабжения, перепродажа его малооленным по ценам, на много превышающим цены факторий. На Ямале весной крупные оленеводы до сих пор еще продают привезенные ими товары по следующим ценам: 1 кирпич чая—за одного песца (т.-е. за 38—45 р.), 1 фунт табака—за одного песца, 10 бердан патронов — за одного песца, 5 свинцовых пуль — за одного песца.

Классовое расслоение в туземной среде проступает наиболее заметно в районах крупного оленеводства. „Чем дальше на север, чем недоступнее место, чем слабее влияние пришлых народов, чем дальше от рынка, тем ярче выражается классовое расслоение малых народов Севера. Чем южнее, чем ближе, чем доступнее место колонизационному и рыночному влиянию, тем слабее классовая диференциация среди туземцев, тем больше линия классового разделения совпадает с линией разделения национального, и классовое угнетение сливается с угнетением национальным, ослабляющим внутринациональное классовое разделение". *(А. Е. Скачко).*

Крупный оленевод на севере нередко представляет собою своеобразную факторию, через которую малооленное население сбывает пушнину и получает необходимое продовольствие и товары. Пушнина при этом расценивается много дешевле ее стоимости, а товаропродукты дороже на 100% и более. Вследствие этого беднота остается в постоянном долгу и принужде-

[1]) фактория — обменно-торговый пункт.

на работать на богатеев. Отношение последних к должникам можно установить по следующим данным 1929 г.

Кулак Агичев Тазовского района (Туруханского края) приказал бедняку Сайгатину явиться к нему на работу и уплатил ему при расчете за 3 месяца работы лишь старую оленью шкуру.

Таких случаев очень много.

Но не всегда факты эксплоатации выступают с такой отчетливостью. Часто провести грань, расслаивающую туземную массу на трудовые и нетрудовые элементы, бывает весьма затруднительно. Затрудняется это прежде всего примитивностью туземного быта, развитием родственных связей, а также довольно широко развитой „благотворительностью", которая нередко путает все карты.

Но как бы затруднительна ни была эта задача, с помощью тузсоветов, на основе материалов переписи, нам все же удается выявлять социальные взаимоотношения туземцев. Достаточно пристальнее всмотреться в экономические отношения туземцев, как проступят те имущественные группировки, которые имеются налицо в тайге и в тундре. Для примера приведем данные по Ненецкому (самоедскому) округу Севкрая. Тридцать пять тысяч учтенных переписью оленей распределяются между группами хозяйств следующим образом:

Распределение оленей по хозяйствам в Ненецком округе.

Группа	Число оленей		Число хозяйств	Оленей на 1 хозяйство
	Колич.	% от всего колич. оленей		
Бедняки	8.572	24,5	130	66
Середняки	19.893	57	54	367
Зажиточные	6.520	18,5	5	1324
Всего	34.985	100	189	—

Как мы уже отмечали, широко распространенную основу классового расслоения в среде малых народов Севера создает только оленеводство.

Степень классового расслоения при оленеводческом хозяйстве показывают данные приполярной переписи 1926/27 г.

По этим данным: 5,5% всех кочевых хозяйств вовсе не имеют оленей; 81,0% всех кочевых оленеводческих хозяйств имеют менее чем по 250 оленей на хозяйство и в общем владеют 25,8% всех оленей; 10,3% хозяйств имеют от 250 до 1.000 оленей и владеют 31,5% всех оленей; 3,2% хозяйств имеют от 1.000 и более и обладают 31,5% всех оленей.

Среди оседлых туземных хозяйств: 74,6% вовсе не имеют оленей; 14,9% имеют от 1 до 10 оленей; 9,4% имеют от 10 до 100 оленей; 1,1% имеют от 100 до 1.000 (выше 1.000 имеют всего 3 хозяйства).

Цифры эти выразительны и говорят сами за себя.

„В таких типичных оленеводческих районах отмечается несомненный факт эксплоатации бедняков и середняков-оленеводов богачами, хозяевами больших оленных стад. Главнейших форм такой эксплоатации две: первая заключается в перекладывании на наемного батрака всей тяжести по охране и выпасу стад, а вторая — в закупке на торговых факториях продовольственных припасов и товаров не только для потребностей своего хозяйства и своей семьи, но и для перепродажи по вздутым ценам закупленных товаров своим малооленным соплеменникам. Благодаря этому обстоятельству в руках богатеев скопляются запасы ценностей в виде пушнины, которую они продают по мере надобности на фактории. Возможность такой эксплоатации об'ясняется отдаленностью факторий от кочевок, вследствие чего малооленные туземцы бывают не в состоянии выходить на факторию для сбыта своей продукции и для закупки необходимых продуктов.

Формы эксплоатации малоимущих с помощью торговых сделок мы уже приводили. Теперь остановим свое внимание на своеобразных формах хозяйственной эксплоатации.

Главнейшие виды ее следующие:

1) раздача оленей во временное пользование беднякам за отработку или арендную плату пушниной, при чем нормальной оплатой годовой аренды одного оленя является песец, стоящий 38—45 руб., тогда как продажная стоимость оленя 25—30 рублей;

2) Продажа оленей бедноте в кредит, с оплатой пушниной или отработкой, с оплатой процентов рыбой (на Ямале за оленя надо отдать песца и еще привести нарту осетра [1]);

3) скупка у малооленных охотников пушнины за живых оленей и оленное сырье;

4) выкуп или аренда у малооленных оленьих пастбищ, охотничьих угодий, песцовых пастников и ловушек;

5) „пособка“ оленями со стороны кулака-оленевода беднякам для насторожки, высмотра и запуска ловушек. Пользующиеся „пособкой“ в любое нужное для кулака время производят самую разнообразную работу в его хозяйстве, отдают ему часть своей охотничьей добычи и считают себя постоянно обязанными „пособщику“.

„Безоленные и без'инвентарные туземцы селятся на стойбищах (чумищах) кулацкого хозяйства, берут на себя полное его обслуживание и попадают в зависимость от кулака. В зависимости от мощности „хозяина“ скопляется и соответствую-

щее количество батраков. При стаде богача (от 400 до 1.000 оленей) „кормятся", как говорит кулак, 2—3 батрацких хозяйства (47 человек). При стаде, достигающем 3.000—10.000 оленей, число работающих на кулака хозяйств увеличивается от 6 до 17. В отдельных случаях такой туземный помещик эксплоатирует в своем хозяйстве от 10 до 30 человек только взрослой батрацкой силы. Количество обслуживающей кулаков батрацкой силы не ограничивается безоленными туземцами, а восполняются и частичной эксплоатацией ряда малооленных бедняцких хозяйств, кочующих по стойбищам кулаков".

В таких хозяйствах туземная беднота занимается в течение круглого года пастьбой стада богача, уходом за ним, розысками теряющихся оленей, раз'ездами по делам хозяина, добычей рыбы, ловушками хозяина, насторожкой и высмотром зверовых ловушек, охотой на птицу и дикого оленя, выделкой оленьих шкур и камыса (женщины и дети), пошивкой хозяину обуви и одежды, гоньбой подвод, заготовкой и подвозкой дров, льда для воды, починкой и поделкой оленной упряжи, средств передвижения (нарт и санок) и проч. Сфера эксплоатации распространяется на всех членов батрацкой семьи, включая и детей.

В качестве „вознаграждения" за свой труд в кулацком хозяйстве и те и другие получают от хозяев: кое что из поношенной одежды, одну—две шкуры оленей, худшую часть рыбы на еду (добытой самим батраком), постную часть мяса забитых оленей, иногда четвертушку чая, папушу табаку (редко—сахару, немного сухарей). Одиночки (бессемейные) батраки пользуются иногда столом хозяина. Денежной оплаты труда не существует.

Скрытой формой эксплоатации туземной бедноты является совместное аргишение (кочевание) с кулацким хозяйством. В этом случае кулак обслуживающих его стадо бедняков называет „товарищ-место", т.-е друг-сосед по передвижению.

„Стадо" всех его „товарищей" (двух, четырех) состоит из 20—50 голов, а его собственное — из 500—3.000 штук. Возмещение за труд в таких случаях отсутствует или же ограничивается предоставлением бедняку 4—6 оленей под аргиш для передвижения.

Будучи целиком занят работой при кулацком стаде, бедняк вынужден меньше всего заниматься своим хозяйством.

„Широко распространенной и трудно поддающейся распознаванию формой эксплоатации являются так называемые „пособки" богатых людей".

Какие меры ограничения и вытеснения кулачества можно применить? Из экономических — прежде всего необхо-

димо освободить бедноту от зависимости от кулака в отношении снабжения, для чего нужно расширить торгово-снабженческую кооперативную и государственную сеть до полного охвата ею всей северной территории, чтобы туземцам не приходилось ехать в „ближайшую" лавку за сотни верст. Создаваемая этим для безоленного и малооленного бедняка возможность сдавать самому продукты своего промысла и получать непосредственно из лавки предметы снабжения по дешевым ценам сразу же подорвет влияние кулака, лишит его одного из главнейших источников обогащения и тем ограничит рост его экономической мощности (при этом необходимо не упускать из виду и снабжение бедноты оленным шкурьем — камысами, „постелями" и т. п.).

„Если беднота будет иметь возможность получать живых оленей, оленное сырье и снабженческие товары помимо кулака, то тогда последний сделается бесполезным для бедноты и потеряет все свое влияние. Тогда и пушнина не будет скопляться в руках кулака, добывающей ее бедноте незачем будет нести ее кулаку, и тогда вопрос о том, как ограничить снабжение кулака, не ослабив пушных заготовок, разрешится сам собой. Передвижение оленных стад из рук кулака в руки коллективов перераспределит и пушнину, передаст ее из рук скупщика-кулака в руки самих охотников". *(А. Е. Скачко).*

Туземцы-бедняки не всегда осознают с достаточной ясностью истинную подоплеку „благодеяний" и „пособок". Нужна длительная осторожная работа по ряз'яснению истинных взаимоотношений бедноты с северными баями, чтобы подойти к перестройке социальных отношений на далеком севере.

„На этом участке строительства Севера неизбежно придется столкнуться с сопротивлением классового врага. Пример наших дней—Мулигортская остяцкая школа.

Приближались Октябрьские дни. Бегали ребята по юртам. Изучали хозяйство деревни, делали выводы.

И вдруг им стало ясно:

— Шаман Похо имеет невод, не работает, на него работают отцы—нехороший он человек.

Заволновались юртяне, боясь, что худо будет им от шамана, как услышит ребят.

Шаман узнал.

— Закрыть школу. Нам надо охотников, а не грамотеев,—поползло по юртам.

На родительском сходе (пришли все) больше всех кричал взбешенный Похо:

— Богатство не в грамоте, его боги дают тем, кто достоин. В школе учат песни, читать не умеют.

Старики молчали. Заговорили молодые охотники:

— Боги—мы, богатство тебе дали мы.

В шуме голосов трудно что-нибудь разобрать, но ясно одно: перевес на стороне молодежи.

Похо не хочет уступить, хватается за соломинку. Притащил незадачливого ученика, требует:

— Читай!

Смутился учитель. Нахмурились молодые охотники: не прочитать мальчонке.

Слишком уж поздно парнишка в школу пришел и к учебе тяжел. В мозгу учителя лишь мысль одна: „закроют школу, заберут ребят". Но нет,—мальчик читает четко, давая при гробовом молчании пояснения по-остяцки.

Школа одержала победу. Школа осталась.

Так рассказано в журнале „Просвещение национальности" об одном из эпизодов вмешательства советской школы в гущу туземной среды.

На этом участке предстоит упорная борьба, требующая огромного такта, знания местных условий и понимания обстановки.

К сожалению, в целом ряде пунктов головы местных работников закружились и появились перегибы.

Комитетом Севера при Президиуме ВЦИК в марте и апреле были даны директивные распоряжения местным комитетам севера по вопросам раскулачивания и коллективизации на Севере, в целях прекращения допущенных ошибок.

2) Коллективизация на севере.

Важнейшим мероприятием в области переустройства социальных отношений на северных окраинах является об'единение туземцев-оленеводов, охотников и рыболовов в промысловые артели, в колхозы.

Надо заметить, что в туземном быту издавна сохраняется целый ряд обычаев, способствующих внедрению идеи коллективного труда и раздела добычи между жителями того или иного стойбища. В туземной среде широко развиты виды взаимопомощи.

Не потому ли с такой относительной легкостью в тундре возникают оленеводческие колхозы, а на рыбных реках—артели рыбаков-туземцев.

В печати уже появились первые вести о новом движении, встреченном туземцами с полным сочувствием.

По-ненецки название „коллектив" переводится—опсер мазарась а илесь" (вместе работать и жить)—пишет Н. Е. Са-

прыгин (председатель Архангельского Комитета Севера. „В апреле 1929 г. в Малоземельской тундре учителем Тельвисоченской самоедской школы Выучейским И. П. было организовано собрание самоедов, на котором т. Выучейский сделал сообщение о коллективном хозяйстве и пригласил самоедов бедняков и середняков об'единиться в коллектив. Тут же записались несколько чумов, с общим числом 25 чел. взрослых самоедов (с 400 голов оленей). В мае было созвано уже собрание записавшихся в коллектив, при чем оказалось, что некоторые не захотели войти в коллектив, некоторых исключили, в общем осталось в коллективе из 6 чумов 17 человек с 225 голов оленей.

Социальный состав: 15 батраков, 1 бедняк, 1 середняк. В громадном большинстве в коллектив вошла молодежь (от 16 лет), не жившая самостоятельным чумом, кроме одного — Соболева с семьей, работающего председателем Малоземельского тундрового совета. На собрании Соболев был избран председателем коллектива.

Ненцы, не входящие в коллектив, очень интересуются им, приезжают издалека нарочно, чтобы поговорить с членами коллектива, посмотреть. Почти все соглашаются, что коллектив — хорошее дело, но вступать в него или организоваться в новый не решаются, — „посмотрим, что выйдет из этого". Отношение ненцев к коллективу очень предупредительное, бережное. Так, например, прежде чем итти весной в тундру, ненцы справляются, где будет пасти коллектив свое стадо, чтобы не помешать ему, не захватить случайно отведенных ему тундровым советом ягельников. То же в промыслах".

Те же вести доходят и с Тобольского совета, от остяков.

„Оленеводческий колхоз-коммуна „Ханды" (Остяк) организованный текущей зимой, об'единяет пять хозяйств при 19 едоках и 10 работниках. Все имущество членов обобщено, а также стол, жилище, прочее содержание и труд. При об'единении ими сделаны вложения: оленями 27 голов, собак 5, ружей 5 шт., сетей 38, лодок 4, чумов 5 шт., упряжи на 38 нарт, лошадей 1, а также и прочее имущество, включая 5 зимних юрт.

За счет банковского кредита артель приобрела дополнительно 295 оленей, а также дополнила свой инвентарь и обеспечила себя всем необходимым до выхода с летнего кочевья.

Задолженность артели по банковскому долгосрочному кредиту определяется в 7.897 руб. 93 коп., полученному на заготовку оленей на 7 лет, и по краткосрочному кредиту интегралтовариществу 750 рублей за продовольствие и инвентарь.

Годовая доходность колхоза исчисляется в 3.754 руб. 09 к., а денежный расход на год установлен в 1.984 р. 34 к.

Чистую доходность по особому плану предполагается употребить на улучшение хозяйства."

По сведениям Комитета Севера, на 1 октября 1929 года на базе оленеводства организовано 15 колхозов, об'единяющих 110 хозяйств с 2.761 оленем, а на базе рыболовства 24 колхоза, об'единяющих 200 хозяйств.

Оценивая работу по коллективизации за первый год, Комитет Севера отметил: а) существующие колхозы способствуют развитию самодеятельности туземцев в целях восстановления и рационализации их хозяйства; б) по количеству колхозов годовой план выполнен, качество же колхозов ниже тех скромных норм, что были даны на 1928/29 г.; в) проделанный опыт подлежит дальнейшему детальному изучению со стороны организационной, классового строения, перерождения бытовых форм, родственных связей, кредитования, производственной работы, планового ведения хозяйства, неделимых капиталов, возможностей укрупнения, причин развала ряда колхозов и т. д. [1]).

Каковы же должны быть размеры северных колхозов?

Комитет Севера считает: тундровая смешанная коллективно-промысловая артель на базе оленеводства должна иметь минимальное (наименьшее) стадо в 2.000 оленей; таежная — на базе оленеводства — наименьшее стадо в 500 оленей. Смешанная коллективно-промысловая артель на базе рыболовства должна иметь моторный катер, невод с механическим воротом, оборудованный засольный пункт. Различные организации в зависимости от местных условий по разному намечают темпы коллективизации.

Однако, и на севере, как мы уже отмечали, имело место „головокружение от успехов". Неумелый подход к делу нередко грозил провалом. Это своевременно было учтено Центральным Комитетом Севера, адресовавшим письмо местным комитетам севера от 31/III-30 г., в котором указывал, что „артельная форма колхозного движения является главной его формой, что нельзя, следовательно, допускать легкомысленного перескакивания артельной формы к коммуне".

Поэтому Комитет Севера при Президиуме ВЦИК категорически предлагает прекратить организацию коммун без соответствующей подготовки.

Но как бы ни были велики ошибки, дело коллективизации туземцев на севере имеет большие перспективы в ближайшие же годы.

На коллективизацию оленеводства отпущено в текущем году около двух миллионов рублей. К концу пятилетки за-

---

[1]) Из Якутской и Бурято-Монгольской АССР цифровых сведений о колхозах не было.

проектировано число оленеводческих колхозов довести до 240 с коллективным стадом оленей в миллион голов. Организация коллективных оленеводческих хозяйств в значительной степени тормозится крупными оленеводами. Но в массе колхозы встречают к себе сочувственное отношение туземцев.

Значительно легче проходит организация рыболовных артелей, товариществ по перевозке грузов и женских пошивочных артелей.

3) Туземная кооперация

Главнейшая роль в деле коллективизации туземцев на севере принадлежит интегральной кооперации. В задачи этого рода кооперации входит не только снабжение кооперированного населения продуктами питания, промтоварами, орудиями лова, но и организация самого промысла и сбыта его продукции. Одним словом, интеграл, интегральный кооператив есть соединение потребительской промысловой и кредитной кооперации в целях планомерного, всестороннего обслуживания хозяйственных нужд населения.

Естественно поэтому, что именно интеграл должен стать организатором артелей и производственных коммун, оказывая им материальную и организационную поддержку. Интеграл должен взять на себя снабжение туземных колхозов орудиями их производства (промысловой работы), предметами потребления, а также взять на себя передачу государственным органам продукции колхозов, производить кредитование их, а также руководить как самой организацией колхозов, так и рационализацией колхозного хозяйства. На интегральную кооперацию в туземных районах падает ответственнейшая задача. Государственным и кооперативным организациям надлежит поддержать туземные интегралы на важнейшем участке их работы. Невозможно допускать развала колхозов из-за недостатка руководства и своевременной помощи. По существу схема переустройства социально-экономических основ северного хозяйства проста: внизу—колхозы, создающиеся руками самих туземцев, над ними—интегралы, всесторонне их обслуживающие. Еще в марте 1929 года VI расширенный пленум Комитета Севера дал такую директиву „Интегральная кооперация должна положить в основу своей деятельности развитие производственной работы на основах коллективизации". Осуществляя данную директиву, интегральная кооперация проводила организационную работу по всем видам северных промыслов.

В области охоты интегральными кооперативами организованы артели, приписан ряд охотоугодий, организованы заказники и зверовые питомники (см. выше гл. II, раздел „Охотничий промысел").

В области оленеводства есть также ряд достижений. Организовано 13 оленних коллективов и 5 племенных рассадников[1]).

Наиболее успешно продвигается работа интеграла среди рыболовецкого населения. В рыбацких коллективах Тобольского Севера туземцы (остяки) составляют от 35 до 50%. Местами туземное население охвачено кооперацией на 90% (кооперировано хозяйств: остяцких 90,4%, вогульских 91,5%, ненецких—самоедских—45%).

Интегральной кооперацией организовано 87 рыбозасольных пунктов, 20 рыбохранилищ, 5 кустарных балычных заводов.

На Дальнем Востоке организовано 32 зверобойных артели.

В деле снабжения туземцев продуктами первой необходимости и орудиями промысла интегральной кооперацией дело обстоит также благополучно; план завоза товаров выполнен полностью и местами даже с превышением. Успешно проходят и заготовки продукции, особенно по рыбе (на Тобольском Севере). Чтобы судить о росте заготовок по сети интегральной кооперации, достаточно указать на две цифры: заготовки 1927/28 г. выражались в сумме 3.707.000. рублей, а за первую половину 1928/29 г. стоимость заготовок достигла суммы в 4.675.000 рублей. В настоящее время туземная интегральная кооперация насчитывает 8 союзов, 134 кооператива, 389 лавок. Туземное население кооперировано на 56—100%. Средний пай колеблется от 8 до 30 рублей. Через интегральную кооперацию проводится снабжение туземного населения промысловым инвентарем: сетями, неводами, вельтботами, капканами и оружием. Интегральная кооперация не только снабжает туземца, но, организуя его промысловую работу, делает его участником нашего общего строительства. Следует тут же отметить, что туземец осознает огромное значение своей туземной кооперации. Туземный кооператив освобождает его от тяжелой экономической зависимости, в которой находился туземец не только от русского купца (до революции), но и от своего богатого сородича. Об этом хорошо рассказывает Т. П. Синицин (про самоедов):

„Раньше, когда в Тельвиске еще жил „мужик в серой шубе со светлыми пуговицами“ (урядник),—менять меха на товары нужно было у Павловых, Терентьевых, Сумароковых и иных, более мелких „благодетелей и кормильцев“ тундры. Тогда и в Тельвиску, да и вообще в деревню не обязательно было наезжать: сами Павловы да Терентьевы в тундру с товарами ездили.

А вот при советах все на иной лад обернулось: ненцы сами торговать стали. Сложились: кто—рубль, кто—пятерку, а

---

[1]) („Советский Север“, № 1, стр. 113).

кто и тридцать рублей дал. Купили на собранные деньги товаров и свою—ненецкую—лавку открыли.

Над лавкой, как полагается,—вывеска. И на вывеске надпись. Сами неньцы читать не горазды, да грамотные люди сказали про надпись на вывеске: „Кочевник".

И к этому слову стало другое, незнаемое раньше, прицепляться: Кооператив „Кочевник".

И ведь стал этот самый кооператив столь же нужным для неньца, как олень в тундре.

Без оленей в тундре—погибель человеку, а без кооператива—почти всякому новому делу могила.

— Кооператив наш, как запасливый отец,—говорят ненцы. Задумал рыбу промышлять—кооператив сетку припас. Только бери да лови! Артелью задумали какое ли дело зачинать—кооператив материалу, ежели надо даст; совет, как лучше сделать, даст; а то так и человека знающего пришлет, когда своего не найдем. Выделиться из семьи захотел,—кооператив имущество разведет по справедливости. Ни котору сторону ни изобидит. А олени падут?.. Тоже поддержку кооператив дает.

И едут неньцы со своей нуждой в кооператив за сотни километров, уверенные, что в „Кочевнике" разберут все дела: продовольственные, промысловые и семейные".

Туземец-охотник ощущает разницу между своим туземным кооперативом и между торговой лавкой туземного своего дружка—купца прежде всего на своем собственном кармане. Взять хотя бы такой пример: белка, составляющая основной доход в хозяйстве туруханца, раньше расценивалась от 20 к. до 25 к. за штуку, теперь она—1 р. 50 к. Керосину на одну белку можно было купить 2 фунта, теперь—19 фунтов, и т. д.

Туземцы, обычно, очень внимательно следят за работой „своей" кооперативной лавки. Вот, например, что отметили туземцы-тунгусы в работе Енисейского товарищества: продавцы относились хорошо, заботились о них; дробь, порох, ружья, мука, мануфактура доставлялись во-время и в достаточном количестве. Плохо обстояло дело с мясом и маслом, а пимы привезли, когда стали ждать весны. Просили крупчатки, а прислали керосину. Вот достижения и недостатки, а где выход? Продавцы должны составлять заказы вместе с аваньками (тунгусами), тогда только не будет лишнего расхода на завоз ненужного товара: тунгус знает, что и когда ему нужно".

По мысли тунгусов кооператив будет работать хорошо только тогда, когда в его работе будет участвовать сама членская масса. Извольте создать „лавочную ассортиментную комиссию", об этом просит сам тунгус, он сам хочет работать, а это не так часто мы наблюдаем и в наших русских кооперативах.

А вот что сказал тунгус Береговой о своем кооперативе: „Советская власть дала нам возможность собираться на суглан, самим обсуждать вопрос о лавке, о белке, об олене и об охоте—как и когда охотиться; раньше же у нас только брали белку. Нам хватит одной нашей лавки, и она должна быть на Корде. Других не надо. Сибкрайгосторгу здесь делать нечего. Тунгусская лавка сама будет снабжать всех тунгусов полностью и собирать пушнину, меньше будет расходов на жалованье заведывающим и на дрова".

Снабжение глухой тайги и бездорожной тундры является очень трудным и дорогим делом. Недаром потребовалось издание особого постановления о снабжении Севера.

Каждую весну и лето пароходы забрасывают огромное количество товаров. Из тундры приходят на оленях туземцы, чтобы развести товары по отдаленнейшим кооперативам.

Но кооперативы в тайге и в тундре не только ведут организацию промысловой работы, не только снабжают туземцев продовольствием, промтоварами и орудиями лова, но и ведут огромную культурно-просветительную работу: учат, лечат, внедряют гигиенические навыки в туземную среду, учат выпекать хлеб и готовить пищу.

Туземец уже понимает, что интеграл—это друг, помощник, руководитель. Будущее укрепит это доверие.

4) Советы в тайге и в тундрах

В истории захвата и заселения северных окраин можно отметить три главнейших периода. В первый период за Урал и по великим сибирским рекам двигались военные отряды и ватаги охочих промысловых людей, которых влекло в Сибирь обилие пушного зверя.

В тундряные и таежные дебри шли с оружием и кое-какими товарами, редкими в туземных районах, с бисером, медными котлами и прочими металлическими изделиями.

Где силой, а где обманом пришельцы отнимали у туземца пушнину. Вторжение в земли туземцев шло под флагом московского государя. Ему обязывались туземцы платить дань—ясак. Взыскивали ясак царские воеводы. Алчность воевод известна. К ясаку прибавлялись поминки—государевы, воеводские, дьячьи. К поминкам—прочие поборы. Собирали ясак и лаской, и „жестокостью". Жестокость вызывала месть со стороны туземцев. Вспыхивали восстания. Шла почти непрерывная война. Служилые люди отсиживались за частоколами острожков.

Второй волной шли переселенцы—пашенные люди. Пашенных людей, крестьян „прибирали" изо всяких людей в целях

обеспечения хлебом военных гарнизонов сибирских крепостей.

Третьей волной шли искатели горных богатств, заводившие в уральских и сибирских землях рудники и рудозаводы по выплавке железных и медных руд. Несомненно, что и в те давние времена интересы переселения и индустриализации существеннейшим образом затрагивали интересы туземного населения.

Туземцы оттеснялись с лучших угодий, пришельцы выжигали тайгу, выбивали и разгоняли зверя. Алчные воеводы разоряли в конец тяжелыми поборами. Таково трехсотлетнее прошлое сибирских туземцев. Север был сырьевой колонией и страной ссылки.

До Октябрьской революции туземцы северных окраин управлялись на основе—„Устава об инородцах 1822 года". В местных административных центрах сильна была власть исправника, станового, урядника. В тундрах и в таежных дебрях туземцы подчинялись своим князьцам и сотникам. Представители русской и туземной власти созывали туземцев на с'езды (сугланы). Целью с'ездов было успешное собирание налога (ясака). Здесь же на сугланах творили суд и расправу.

Единственным посредником между туземным населением и губернскими (а также уездными) органами власти были те же становые и исправники. При таком положении естественно было ожидать, что интересы туземного населения не принимались и не могли приниматься во внимание губернскими и вышестоящими органами власти. А местные начальники могли чувствовать себя в достаточной мере безответственными распорядителями судеб туземного населения.

После революции такое положение не могло быть терпимым. ВЦИК, по представлению Комитета Севера, утвердил особое „Положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин". Новый закон предоставляет туземному населению право организации туземных советов и районных исполнительных комитетов. Эти советы являются на местах единственными полномочными органами власти. Туземным советам предоставлено право строить жизнь туземного района в культурном и хозяйственном отношениях.

Основной смысл „Временного положения" формулирован в ст. 1: „В целях защиты прав и интересов трудящихся туземцев северных окраин, а также в целях вовлечения их в дело управления, наиболее полного и правильного проведения среди них законов советского правительства, для поднятия их хозяйства и культурных условий жизни организуются органы туземного управления среди народностей и племен северных окраин РСФСР, ведущих бродячий, кочевой и полукочевой образ жизни и занимающихся главным образом охотой, рыболовством

и оленеводством, а также ведущих оседлый образ жизни и занимающихся морским звероловством, поскольку эти народности и племена не выделены в особые республики и области.

„Положение" устанавливает в качестве органов туземного управления: а) родовое собрание, б) родовой совет, в) районный туземный с'езд, г) районный туземный исполнительный комитет (ст. 3).

Как видно из этого перечня туземных органов управления, „Временное положение" базировало сеть низовых органов на основах родового строя северных туземцев.

На деле же оказалось, что принцип организации управления по родовому признаку не везде пригоден. Как на западе у Архангельских самоедов, так и у чукчей на Дальнем Востоке советы организовались по принципу территориальному, а не по родовому. В Туруханском же крае большею частью туземцы об'единились в советы именно по родовому признаку.

В связи с этим ныне внесено в закон изменение, согласно которому в тех районах и у тех племен и народностей, где родовые связи угасли и уступили место новым территориальным об'единениям туземцев, вместо родовых собраний и советов существуют собрания и советы территориальные, носящие у архангельских самоедов названия: „тундровое собрание", "тундровый совет", а у чукчей—малоудачное название „лагерком".

Согласно Положению родовое очередное собрание (суглан) созывается родовым советом по мере надобности, но не реже одного раза в год (ст. 7), и „составляется из всех членов обоего пола данного рода или другого туземного об'единения граждан, кочующих или проживающих совместно в данном районе, пользующихся избирательным правом и достигших восемнадцати лет" (ст. 5).

„Временное положение об управлении туземных народностей и племен северных окраин РСФСР" построено на предположении, что за каждой народностью и за каждым племенем будет закреплена определенная территория, необходимая для его хозяйственного развития. Особым Положением должны быть определены права и обязанности каждой народности к отведенной ей территории. Должен быть выработан особый „Кодекс трудового землепользования" для северных окраин, не противоречащий ни советским законам, ни правосознанию туземцев. Действительность говорит, что неразрешимых задач на этом пути не встретится.

Рыболовные, охотничьи и оленные пастбища в тундре должны находиться в трудовом пользовании туземцев, как находятся в трудовом пользовании участки земли у крестьян. Надо дать право и возможность туземным советам хозяйственно

распоряжаться отведенной им территорией, обслуживать ее, оберегать от хищничества. Надо дать туземным исполкомам право и возможность оградить свои промысловые участки от самовольного вторжения пришельцев. Туземцы должны знать, что у них есть своя советская власть и что она распоряжается подвластной ей территорией на основании как общих советских законов, так и собственных постановлений.

Эта мысль кажется бесспорной истиной, и в этом направлении для северных окраин сделано уже многое.

Одним из крупнейших достижений Комитета Севера в 1929 году в области советизации является организация особого Ненецкого (самоедского) округа в составе Северного края.

Тундры Европейского Севера от Архангельска до Печоры населены туземцами, которых русские издавна называли нелепым по существу именем „самоедов".

Сами себя представители этой крепкой, жизнеспособной народности называют „ненцами". Прежнее наше административное деление в связи с образованием автономной области Коми, разделило ненцев на две части—одни остались в пределах Архангельской губернии, другие отошли к Коми-области. Однако стародавние пути кочевок заводили архангельских самоедов в пределы области Коми, а самоедов, приписанных Коми-области, в пределы Архангельской губернии. Между исполкомами смежных областей шли постоянные споры, и ненцы, кочующие в этих районах, испытывали не мало неудобств от подобной разобщенности. Но дело отнюдь не исчерпывалось „простыми неудобствами". Ненцы Европейского Севера (Архангельской губернии и Коми-области) уже давно осознали себя единой народностью. IX с'езд ненцев Архангельской губернии еще в январе 1929 г. послал телеграмму Комитету Севера и Архангельскому губисполкому с требованием "об'единить всех ненцев вместе, в один округ".

Ненцы Малоземельской тундры подтвердили это требование: «Мы, ненцы Малоземельской тундры, ходатайствуем и настаиваем на решении IX Ненецкого с'езда советов о создании единого Ненецкого округа, об'единив тундры: Малоземельскую, Большеземельскую, Тиманскую, Канинскую... Мы, ненцы (самоеды), просим нам дать полные национальные права, как велел В. И. Ленин" (23 мая 1929 г.).

С образованием Северного края летом 1929 г. давнишнее требование всех ненцев о предоставлении им „полных национальных прав" было выполнено. Ныне образован Ненецкий округ с подчинением его севкрайисполкому. Ненецкий округ представляет собою территорию в двести с лишним тысяч квадратных километров с населением в 13.880 человек, из которых 43,9% ненцев, 28,4% коми-зырян и 27,7%—русских.

В округе три района. Два из них—Большеземельский и Канинско-Тиманский—ненецко-оленеводческие, а Нижне-Печорский занят оседло живущим населением, с особым сельсоветом. Центром округа является с. Тельвисочное.

С образованием Ненецкого округа ненцы получили возможность самостоятельно взяться за организацию своей хозяйственной жизни и культурно-политического строительства.

Постановлением правительства „О составе границ Ненецкого округа Северного края" (принято Президиумом ВЦИК 20/XII 1929 г.) закончено дело о выделении первой туземной самостоятельной административной единицы.

О громадном значении этого акта не только для ненцев, но и для других малых народностей Севера, вряд ли нужно говорить. Ибо, несомненно, за образованием Ненецкого округа последует в непродолжительном будущем выделение и других административных единиц, об'единяющих ту или иную из малых народностей Севера в самоуправляющееся целое.

Опыт работы нового Ненецкого округа будет чрезвычайно ценным для аналогичной работы в других районах Севера.

Интересно отметить, что центр одного из районов Ненецкого округа—Большеземельского района—образован в культбазе, сооруженной Комитетом Севера при президиуме ВЦИК в местности Хоседа-Хард, ранее входившей в территорию автономной области Коми. Таким образом, осуществляется конечная цель организации культбаз—образование из них туземных городков.

Выделение Ненецкого округа почти целиком разрешило вопрос советизации ненцев (самоедов) Европейского Севера. Но это—лишь первый шаг, и в дальнейшем надлежит произвести выделение целого ряда туземных районов и округов.

Отсутствие точных и твердых границ мешает активной работе туземных органов советской власти.

И потому следует признать вполне правильным мнение Кометета Севера, который считает нужным: 1) выявить группы туземцев, входящие в состав каждой административной единицы, т.-е. входящие в один туземный сельсовет (административное устроение); 2) проверить, насколько эта группа целостна в хозяйственном отношении, вся ли она действительно тяготеет к одному экономическому центру, который должен для нее стать центром культурным и административным (экономическое районирование); 3) выявить с чрезвычайной тщательностью промысловые и прочие угодия, находящиеся в настоящее время в действительном пользовании данной группы. Границы этих угодий явятся, таким образом, фактическими границами данного административно-хозяйственного района (землеустроение); 4) путем длительного, внимательного изучения

определить характер данного района в отношении его хозяйственных форм, его потребностей и будущего развития в связи с его национальным характером (национальное районирование).

Наступило время, когда малые народы Севера всеми сторонами своей жизни громко требуют скорейшего проведения землеустройства в освоенных районах. Нет и не может быть планомерного развития промыслов без закрепления за каждой группой промысловиков необходимой для ее хозяйства территории. Без этого закрепления не может быть четко поставлена работа туземных исполкомов. Каждый предстоящий районный с'езд туземных (родовых) советов должен выяснить и зарегистрировать границы территорий, освоенных с'ехавшимися родичами. Вышестоящие исполкомы согласуют границы районов и получат возможность практически поставить вопрос о национальном размежевании.

В соответствии с этим Центральным Комитетом Севера разработаны принципы первоначального землеводоустройства, на основании которых во многих местах проводится закрепление в исключительное пользование туземцев промысловых (охотничьих и рыболовных) угодий. В Нарымском крае уже проведено первоначальное водо-землеустройство. В Туруханском крае, на р. Енисее, оно заканчивается. На Тобольском Севере произведено детальное обследование и подготовлено к землеводоустройству пространство трех туземных районов. Проведено разграничание угодий между туземцами и русскими в Приангарье и в Киренском округе. Сделать это было тем более необходимо, что в Приангарье вопрос стоял особенно остро.

В низовьях Амура производится распределение рыболовецких угодий, ограждающее интересы туземцов. Там же производится наделение туземцев сенокосами и землями, годными к сельскохозяйственной культуре. Подготовлено и национальное районирование, имеющее целью выделение самоуправляющихся туземных округов на Дальнем Востоке.

За пять лет деятельности Комитета Севера в тайге и в тундрах развернута сеть туземного советского управления, состоящая из 381 тузсовета, 61 тузрика и одного самоуправляющегося туземного округа (Ненецкий округ Севкрая), при чем за последнее время в работе советов начинают принимать участие даже женщины: по данным на 1/X 1929 г. числилось 6 женщин, избранных в советы, что показывает на огромный сдвиг, происшедший в понятиях туземной массы. Сетью советов охвачены все туземные районы, за исключением северных округов ЯССР (Булунского, Верхоянского, Колымского). При советах созданы ревизионные комиссии, секции советов, институт туземных исполнителей и комитеты взаимопомощи, в не-

которых местах обладающие значительными капиталами (так, например, Канинско-Тиманский и Тельвисочный ККОВ'ы в Ненецком округе имеют капиталы в 6—7 тыс. руб.).

Если считать, что главнейшая задача советской власти заключается в пробуждении у туземцев национального самосознания и воли строить самим свою жизнь и свое хозяйство в тайге и в тундрах, то следует признать, что создание туземных органов власти, участие туземца в работе туземных судов и советов обеспечивает органическое развитие культурной помощи в туземных районах Севера.

Развертывание чисто советской работы в северных туземных районах наталкивается на множество препятствий.

Одним из таких препятствий на пути советизации является отсутствие грамотных людей у туземцев. В этом отношении характерен „отчет" одного из председателей туземного совета в Туруханском крае: „Председателем родового совета я избран в прошлом году. От старого председателя принял коробку с делами, печать и знаки председателя родового совета. Зимой моя работа заключалась в том только, что я следил, чтобы было достаточно продуктов питания.

Осенью я сам поехал на промысел, а отца-старика послал узнать по району, как здоровы люди. Отец об'ехал стойбища и говорит, что все хорошо, болезней нет, как оленных, так и у людей. Умерло два человека. Промысел был хороший, сейчас тоже ладно.

Летом неизвестно кто поджег тундру. Я собрал людей тушить пожар.

Нехватало пороху, дроби, патронов и других необходимых товаров. Хлеба есть еще восемь кулей, соли нет.

Я поехал за товарами. Фактория от нас далеко, надо ближе, а для бедняков-малооленных очень тяжело ходить за товаром.

Собраний было два, судов пять.

Распоряжения исполкома выполнял только устные, а письменные лежат в коробке нечитанные, так как нет грамотных людей. Больше я никуда не ходил и ничего не делал".

Что можно прибавить к этому выразительному документу?

На ряду с этим следует отметить, что при умелом подходе туземное население обычно проявляет огромный интерес и к организации, и к работе своих советов.

В одном из северных риков (русских) мне пришлось наткнуться на следующий документ, относящийся к первому году организации советов, который я приведу с сохранением орфографии. Туземцы просят об учреждении отдельного туземного совета в районе, где население живет перемешано.

П р а т о к

Общее собрание гр-н юртах Иготкина и Теголова, участвующих гр-н на общее собрание 60 человек:

Присутствующие собрания. Председатель Собрания Иткумов Андрей П. при секретаре Анисимове Ф. М.

С л у ш а л и:

Для установления в юртах Иготкина и Теголова желающие гр-не отделиться от крестьянского с/с и тогоже от Иванкиных юрт мы гр-ны желаем самостоятельно свой с/с как инародцы.

П о с т а н о в и л и:

Постановили гр-ны общим Собранием ходатайствовали Перед рик'ом Колпашевским Просим для самостоятельным установления инароческой с/с в юртах Иготкина и Теголовых.

В чем подписуюся к протоколу Собрания личной подписью.

1 ниграмотны (43 человека) . . . . . В чем подписуются за неграмотных по личной прозби Петр Тоболкин.

Подпись грамотных гр-н по порядку.

Общих гр-н населения душ 78, малолетних 62 чел. включительно до 8 лет. Просим вас Колпашевский РИК не отказать в нашей прозби, ходатательстве перед Северно-Туземно-Инороческо Управление".

Сходы туземцев—сугланы происходили и до революции, Но они имели особый характер, отличный от наших теперешних сугланов.

Вот как тунгус, который теперь учится в техникуме, описывает тунгусский суглан в царское время:

Тунгусский суглан, как рассказывают старики, бывал раз в год, а то и в два года раз. На суглан с'езжались верст за триста, за четыреста. На суглан приезжали купцы-спекулянты, шаманы и поп. Спекулянты-купцы продавали тунгусам водку, чай, муку и др. товары. А за товары, да за водку отбирали у тунгусов пушнину.

На суглане шаманы шаманили и собирали с тунгусов пушнину. Поп в церкви служил и за свои молитвы тоже получал от тунгуса мехами.

На суглане тунгусы выбирали князя из стариков. Выбранный оставался князем до самой смерти. Он судил тунгусов. Все его боялись.

После суглана начинались песни и пляски с вечера до утра. Танцовали и пели: Сыде, суга, сырге, саре.

Ныне сугланы проходят совсем иначе. На собраниях туземцев обычно обсуждаются все важнейшие вопросы хозяйственные и бытовые. И, конечно, на первом месте—интересы хозяйства, оленеводства, рыболовства, охоты.

Из года в год крепнет и работа выборных организаций. Отчет председателя кочевого совета из Туруханского края отнюдь не является типичным. В противовес его незамысловатому „отчету" я считаю нужным привести рассказ севфаковца Салаткина—тунгуса.

В работе Верхне-Катангского тузсовета Салаткин считает нужным прежде всего отметить работу совета по размежеванию охотничьих и рыболовных угодий между русским и туземным населением. В районе тузсовета проведена организация трех заказников, борьба с лесными пожарами и браконьерством. Салаткин отмечает, что работа тузсовета имела успех: „Браконьерство изжито. Сроки охоты не нарушаются. Лесные пожары совершенно прекратились".

Тузсовет пошел также навстречу безоленным туземцам: выхлопотали ссуду и закупили оленей.

Особо следует отметить организацию тузсоветом кузнечно-слесарной артели-мастерской, об'единившей пять хозяйств. Тузсоветом же был поставлен вопрос об организации туземного интеграла и организован тузКОВ.

Но Верхне-Катангский тузсовет не ограничился работой в области хозяйственно-экономических мероприятий. В поле его зрения и деятельности попали и медпункт, и школа. Тузсовет реально добился обучения туземных ребят. Обращено было внимание и на ликбез, и на внедрение культурных навыков в туземную среду, и на борьбу с алкоголизмом и шаманством.

Так было в Киренском округе. Но о такой же органической работе туземных советских ячеек доносятся вести и от ненцев, и от остяков, и с Дальнего Востока.

К числу разнообразных функций туземных советов и риков следует также отнести и функции судебных органов. Мало-по-малу туземцы свыкаются с этим, судебный авторитет туземных советских ячеек растет и сами туземцы признают справедливость судебных решений своих судов—советов.

При советах, зачастую сливаясь с ними персонально, работают комитеты туземной взаимопомощи (тузКОВ'ы).

Основные недостатки в работе туземных советов проистекают, главным образом, от двух причин: от скудости средств (доходные статьи почти отсутствуют, а дотации недостаточны) и от нехватки пригодных для работы людей (строительство тузсоветов упирается в вопрос о кадрах).

Культурное строительство в туземных районах Севера

1) О кадрах

Говоря о работе туземных советов в тайге и в тундрах, мы уже отмечали, что работа по советизации наталкивается на отсутствие среди туземцев подготовленных для этой работы людей. Седьмой расширенный пленум Комитета Севера, уделив внимание вопросу о кадрах, наметил ряд мероприятий, которые должны будут дать необходимых работников для северных окраин.

При подготовке работников высшей квалификации будет обращено внимание на внедрение в программы соответственных вузов циклов занятий по североведению, стимулируя желание заниматься вопросами Севера контрактацией студентов для работы на северных окраинах.

Центральным учреждением для подготовки работников средней квалификации является институт народов Севера, подготовляющий нужные кадры из среды самих туземцев. На ряду с этим постановлено добиваться развертывания сети комплексных техникумов народов Севера в составе отделений: 1) советско-партийного, 2) кооперативно-колхозного и 3) педагогического.

Основная задача ближайших лет—подготовить для советской работы кадры. Для подготовки кадров туземных работников организованы: в 1926/27 г. подготовительное отделение при тобольском педтехникуме, имеющее в настоящее время 2 основных курса и 58 туземцев-учащихся, подготовительное отделение при хабаровском педтехникуме, которое имеет сейчас 120 туземцев-учащихся и с будущего года преобразовывается в техникум малых народов Севера ДВК, при чем на постройку здания для него ВЦИК ассигновал 500 тыс. руб.

В 1928/29 году организовано подготовительное отделение для самоедов при Архангельском педтехникуме с 18 учащимися и Северное отделение при томском рабфаке, на котором учится 40 туземцев.

В 1925/26 году в Ленинграде был организован Севфак, в нынешнем году преобразованный в самостоятельный Институт народов Севера, имеющий целью подготовить руководящих работников малых народов Севера по советскому строитель-

ству, хозяйству и промыслам, кооперации, школьному и культурному делу. В институте учится сейчас свыше 200 туземцев. При институте организуется научно-исследовательская ассоциация северных народов.

Но, конечно, основою всех просветительных мероприятий является сеть низовых туземных школ. Эта низовая сеть туземных школ является основным звеном в деле подготовки специалистов низшей квалификации.

Седьмой пленум Комитета Севера постановил, что для выполнения этой задачи необходимо:

а) Приспособить школы-интернаты к задачам подготовки кадров для Севера путем перестройки их работы на производственной основе, соответственно особенностям отдельных районов, что возможно лишь при соответствующей помощи хозяйственных и общественных организаций.

б) Принять все меры к практическому осуществлению пятилетнего срока обучения в туземной школе и переводу ее работы на родной язык.

в) Расширить сеть курсов при культбазах, совхозах, вет.-бак.-институтах, медпунктах и т. д. по подготовке и переподготовке ветеринарных и медицинских санитаров, прививателей, ликвидаторов неграмотности, секретарей тузсоветов и т. д., обеспечив сметы этих учреждений соответствующими средствами.

г) Привлечь внимание госторговых, кооперативных, общественных организаций и государственных учреждений к развертыванию на Севере массовых школ проф. образования (школы торгово-кооперативного ученичества, охотрыбацкие школы, кустарные промысловые школы-мастерские и т. п.) и вовлечению в них представителей туземного населения, выделяя их в особые национальные группы, обеспеченные интернатами, и увязывая подготовку туземцев в этих школах и курсах с немедленным выдвижением их на практическую работу в советских, кооперативных, торговых и промышленных предприятиях. О работе этих школ мы считаем нужным рассказать более подробно.

2) О туземных северных школах

Северная туземная школа резко отличается от нашей обычной школы не столько тем, что она закинута в суровые дебри тайги и тундры и что ее бытие часто висит на волоске, сколько тем, что северные школьники резко отличаются от наших школьников первой ступени. И разница не в том лишь, что маленькие школьники-туземцы нередко до школы не знают, что такое рубашка или мыло, но главным образом, в том, что

северные школьники 10—12 лет приходят в школу, будучи уже самостоятельными добытчиками-охотниками.

Вы только послушайте, что рассказывает о себе, о своей жизни двенадцатилетний карагасс:

„Раньше (до жизни в интернате) я с отцом весной промышлял. Одного сохатого убил, а на третий день убил трех глухарей. Нас было три юрты—„Арактаева, Ингуштаева и наша. Это было весной. Росли оленята. Потом растаял снег. Мы собирали орехи. Собрали мы пудов 50 орехов. Ингуштаев говорит: надо кочевать. Арактаев говорит: можно кочевать. Поехали по тайге кочевать.

Стали мы жить на берегу озера. Потом наступила осень. Люди стали промышлять. Я убил 100 белок. Мой брат убил 235. Отец убил 9 соболей и 50 белок".

А маленькому обитателю Восточных Саян карагассу откликается маленький самоед с Новой Земли: „Когда я маленький был, ездил на охоту стрелять оленей и нерпу на льду. На лодке отец не пускал. Когда отец спал, тогда я тайно на маленькой лодке плавал по озеру. Потом стал плавать по морю и стрелять уток, гаг и чистиков. Когда отец выезжал на карбасе в море, он брал меня, чтобы править рулем. Сам отец садился на весла. Я часто ездил с ним. Мне очень понравилось по морю ездить.

Раз весной говорю отцу: дай мне шлюпку промышлять нерпу и морских зайцев. Отец не давал сперва лодку. Наконец, дал, я собрал команду из четырех товарищей. Парус заготовили и поехали. Ездили между плавучими льдами, убили четыре нерпы. Зверя было мало. Возвратились домой. Туман был и ветер. Лед нам мешал. Когда подошли ближе к дому, нас лед так хватил, что нашу лодку чуть не разбило. Едва добрались до берега. Несколько дней прошло, и мы снова отправились на охоту на большом карбасе, на парусах. Убили одну белуху, черырех зайцев, десять нерп и вернулись домой. Потом отец часто стал пускать на карбасе. Я совсем привык по морю ездить. Стал ездить на далекие расстояния—на Карское море через Маточкин шар".

Тысячи верст разделяют маленьких охотников. Не похожи Саянские горы, одетые темнозеленой, пушистой шкурой тайги, на обнаженные, совершенно безлесные черные скалы Новой Земли. Но похожа жизнь двух маленьких охотников (правда, один из них бродит по горам за белкой, другой стреляет в море тюленей), похож внутренний мир подростков. Оба они—добытчики.

Промысловая жизнь туземцев-взрослых, свидетелем и участником которой является ребенок, оказывает на него глубочайшее влияние.

Туземный ребенок с малых лет становится участником хозяйственной жизни взрослых. Он не только является постоянным свидетелем производственной деятельности своих сородичей, но очень рано становится и действительным соучастником в их работах.

Туземный ребенок, сын оленевода и промышленника, живет жизнью взрослого пастуха, охотника, рыболова. Кочевая жизнь, участие в промыслах оказывает на ребенка огромное воспитательное воздействие как в смысле его физического, так и умственного развития.

И попадая в школу, туземный ребенок приносит с собой своеобразный запас наблюдений и запросов.

Учитель-северник должен проявить огромную чуткость, чтобы понять своеобразный круг представлений туземного ребенка, уловить особенности его мышления, его взгляды, проникнуть в суть его интересов.

А ребенок-туземец нередко оказывается в школе более требователен, нежели русские дети. Такой требовательностью отличаются взрослые люди, пришедшие учиться. А туземный школьник во многих отношениях думает, как взрослый человек.

Он—добытчик. Его уход от промысла в школу наносит серьезный ущерб хозяйству родителей. Срок его пребывания в школе не должен быть долгим. Школьник-туземец проявляет желание удлинять учебные часы, иногда прямо требует, чтобы учитель занимался в классе с утра до вечера, стремится охватить как можно больше знаний, но повторений не любит.

Все это вместе взятое обязывает наладить занятия в северной туземной школе таким образом, чтобы подросток-туземец получил в школе те знания, которые ему нужны в его жизни и будущей работе среди туземцев. Он должен стать хорошо грамотным, овладеть русским языком, приобрести навыки к ведению общественной работы, а главное он должен научиться в школе более совершенным техническим приемам, которые пригодились бы ему в родном хозяйстве. Заготовлять впрок рыбу, выделывать шкурки, усвоить навыки культурного оленеводства—вот чему должна учить подростка туземная школа.

Огромна эта задача. Но она должна быть разрешена. Школа, и только школа сможет сдвинуть с мертвой точки и хозяйственный и бытовой уклад туземцев.

А как сложна работа школы в области гигиенических навыков! Туземных ребят привозят в школу грязными, оборванными, в меховых малицах, кишащих насекомыми, одетых прямо на голое тело. Русского языка они не знают. С самыми простыми вещами из нашего привычного обихода они не знают, как обращаться. На многих из них в школе впервые оде-

вают белье, впервые отмывают от грязи, впервые усаживают за стол.

Неизмеримо сложнее работа учителя с туземными ребятами по борьбе с суевериями. В представлении и взрослых туземцев, и ребят мир населен духами. Эти духи, то вредят, то помогают человеку. И гораздо чаще вредят, чем помогают, Поэтому туземец робок, боится сделать неверный шаг, кого-то разгневать.

Вот что рассказывает С. Н. Стебницкий, учитель-этнограф, про коряцких детей.

Северный день короток. Занятия затянулись. Ребята любознательны. Особенно любят они, когда учитель им рассказывает, „об'ясняет землю". Стало темнеть. Учитель продолжает рассказывать.

Совершенно неожиданно шустрый Лигргын обращается к нему:

— Учитель, отпусти меня домой.

— Зачем? Кончим скоро, тогда и пойдешь.

— Нет, ты меня сейчас отпусти. Скоро темно будет. Я пойду, а то в темноте мне нинвиты худо сделают.

— Глупости. Какие там нинвиты?..

Но учитель не докончил. Ребята повскакали с мест и наперебой стали кричать:

— Как? Ты ничего не знаешь. Ты только что приехал. Это у вас там нет нинвитов... А у нас...

И каждый стал рассказывать, как он видел духов — нинвитов, о всех случаях, когда нинвиты вредили неосторожному человеку. Ребята рассказывали охотно, с возбуждением, а один мальчуган—для большей, очевидно, убедительности—нарисовал нинвита в тетрадке.

— Вот он какой!

Таков северный школьник, промысловик, ловкий охотник, знающий повадку промыслового зверя, любознательный, жадный до знаний, но весь еще во власти суеверных страхов и многих предрассудков, нередко мешающих ему жить и строить свое хозяйство по-новому.

Школа работает на нетронутой целине.

Велики, необ'ятны пространства тайги и тундр. Затерывается в них человек. В лучшем случае его непосредственному наблюдению доступен мир нескольких сотен его сородичей, а из людей, взявших на себя смелость нести культуру в глухие углы, они знают одного-двух учителей, одного врача да трех-четырех приказчиков на торговых факториях. По делам этих единичных работников туземцы судят о культурных людях в целом. Хорош в данном районе учитель, хорош врач — значит, хороша и культура. Видя непосредственную для себя

пользу, туземец начинает тяготеть к школе, к медпункту. Плох врач, плох учитель в данном месте — туземец делает вывод: добра от цивилизованных людей ждать нечего, а лучше держаться от них подальше. Примеры единичны, но сравнивать не с чем, и вывод крепко оседает в голове туземца. Различны люди, идущие на работу в глухие тундры, в тайгу, различны и мотивы, по которым идут они туда; различны и обстоятельства, которые иной раз мешают работе людей, вопреки их желанию. Поэтому и работа получается различная, и выводы туземцев отличаются огромным разнообразием.

Вот несколько примеров.

Приехал к ламутам на Камчатку учитель, взявшийся за дело с любовью. Организовал школу в палатке, служившей когда-то церковью. Ребята с охотой принялись за ученье. Делу мешала неприспособленность помещения. Тогда ламуты собрались и порешили выстроить настоящий деревянный дом для ученья. Порешив, пошли в тайгу, стали валить лес для постройки. Опыта у них в этом деле не было—сами ламуты до сих пор живут в переносных урасах. Свалили лес, вывезли. Послали за русскими плотниками строить школу. Пришли плотники, посмотрели на лес, заготовленный ламутами, и отказались от постройки:

— Из такого леса дома не построишь.

Пришлось ламутам согласиться, что лесь и в самом деле не годится для постройки — кривой да тонкий. Но начатого дела ламуты не бросили. Снова застучали топоры в тайге (рубили теперь согласно указаниям плотников), во второй раз заготовили лес, вывезли. Желание иметь настоящую школу, соединенное с упорством, победило. Школа у ламутов помещается теперь в настоящем деревянном доме, а подле дома, по указаниям учителя, разбили опытный огородик.

История с ламутской школой могла бы превратиться в легенду, если бы все это не было записано в протоколах рика.

Там, где туземное самоуправление пустило глубокие корни, где туземцы лицом к лицу столкнулись с необходимостью сегодня же своими силами принять участие в строительстве, там потребность в грамотных людях побуждает население проявить живую инициативу в деле организации школ.

Одним из наиболее ярких примеров может служить возникновение и рост Тельвисочейской ненецкой школы. Ненецкому кооперативу «Кочевник» нужны свои культурные работники, свои грамотные люди. И вот с'езд туземцев еще в 1922 году постановил: «прибыль кооператива отчислять на создание школы».

Первый год в ненецкой школе было 12 человек, во втором году—22 человека. В третьем году учащихся стало 33 чел.

Четвертый год не дал увеличения учащихся, но это произошло в силу стихийных обстоятельств, весьма характерных для условий, в которых приходится работать туземной северной школе: позднее установление зимнего пути, эпидемия кори и, особенно, массовый выход песца.

А вот пример с другой окраины.

В делах Далькрайоно я видел телеграмму из туземного (тунгусского) района следующего содержания: «Тунгусы требуют открытия школы Улье. Тунгусами отремонтирован барак под общежитие, заготовлен лес, мох на постройку школы. Тунгусы всячески содействуют постройке. Учеников имеется 23, может быть и больше. Требуется для постройки 1.000 р., содержание учеников 2.000 рублей. Местных средств нет, учителя даем, просим ассигновки средств из Охотска. Алтабасов» (17/XI—1928 г.).

Но из ряда отрадных фактов не следует еще заключать, что школа признана всеми туземцами.

Самая идея школы еще далеко не ясна многим туземцам. Среди туземцев Туруханского края коренится убеждение, что туземный подросток своим пребыванием в школе делает большое одолжение учителю, рику, кооперации и т. д. Учащиеся туземцы, выставляя свои требования к учителю, угрожают покинуть школу. Смысл учения им как будто, еще не понятен.

Учитель Карагинской (коряцкой) школы рассказывает, что работать среди коряцкого населения не легко. К русским коряки питают недоверие, даже скрытую ненависть. Шаманы обещают корякам, что «в скором времени русские совсем уйдут» и «коряки станут жить по-старому» (как было до покорения их казаками).

«От русских — все плохое», — говорят шаманы. «Корякам не надо ни школ, ни водки, ни врачей, ни хлеба».

Кочевые тунгусы говорят о школе: — «выучатся ребята, белоручками станут. От своего отобьются. Будут не наши».

Но там, где туземцы рискнули послать ребят в школу, они обычно проявляют большой интерес к успехам своих детей в школе.

Какую же школу туземцы наиболее ценят, признают своей, необходимой? Гольды на Амуре признают школу I ступени полезной и нужной, но дальше учиться детей не отпускают. Один мальчик, окончивший школу, тайком от семьи убежал в Хабаровск, в педтехникум. Отец отправился за ним в погоню, через три дня явился в педтехникум и, несмотря на всяческие уговоры, увез мальчика домой.

Школу, работающую в непосредственной близости от стойбищ, на глазах у туземцев население начинает считать своей. Близость школы к населению успокаивает туземцев в том, от-

ношении, что дети не оторвутся от родной среды, не отвыкнут от промысла. Успехи детей в русском языке, в грамоте радуют родителей-туземцев. Но особенно они ценят практически-полезные знания и навыки ребят. Быт туземца примитивен, и часто в туземной среде нет ни одного человека, который умел бы шить нитками (а не жилами) или же вязать сети. Поэтому те школы, которые нащупали необходимую почву под ногами, неизбежно должны уделить внимание развитию в детях ремесленных навыков.

Одним из серьезнейших затруднений в деле развертывания сети туземных школ на Севере является почти полное отсутствие зданий, сколько-нибудь пригодных для организации в них школьных занятий и общежитий для учащихся. Обычно для нужд школ используются простые избы, бараки, церкви и даже простые балаганы (церковь-палатка ламутской школы). Насколько тяжелы жилищные условия северных туземных школ можно представить себе по рассказу учителя новоземельской самоедской школы Т. П. Синицына.

Школьное здание в становище Малые Кармакулы, как ветхое и непригодное для жилья, в трудный год самоеды постановили распилить на дрова. И только приезд учителя и подвозка дров запоздавшим пароходом приостановили исполнение этого постановления. Здание на дрова распилено не было, его «ветхость» не помешала стать ему зданием новоземельской школы. Другого здания никакого не было, и построить на Новой Земле не из чего. Школа открылась, самоеды навезли детей. Учитель со страхом смотрел на ветхое здание и бранил тех, кто надумал в нем открыть школу. А старожил-фельдшер посмеивался: «Подождите, то ли еще будет! Весь дом снегом закидает. Я жил в нем, знаю. Проснемся, бывало, утром—ни через дверь, ни через уборную нельзя попасть на улицу. Так через чердак и вылезали, как из могильного склепа». Впоследствии тов. Синицыну и самому пришлось откапывать ребятишек, «замурованных» в школе. А вместе с тем, в этих ветхих стенах теплился огонек подлинной педагогической работы.

Обычно в северных школах очень тесно, душно, темно. В интернатах крайняя скученность, в классах—холодище, мрак. Специально построенные для школьных нужд здания легко пересчитать по пальцам. Такие здания построены в селе Тельвисочном, в Верте-Кос на Оби, в Ухте на Амуре, в Карагасси, в пяти культбазах. А в большинстве случаев учителю приходится вести работу с туземными ребятами в помещениях, совершенно непригодных для нормальных школьных зданий. Подобные условия школьных зданий тяжело отражаются на повседневной работе учителя и учащихся. Одна из важней-

ших задач текущего строительства — сооружение специальных школьных зданий. Медленность такого строительства в значительной степени об'ясняется крайней дороговизной рабочих рук, строительных материалов, а главным образом дорогими фрахтами и трудностями по перевозке рабочих и строительных материалов в глухие дебри бездорожной тайги и тундр.

Наиболее важным вопросом оборудования туземных школ является вопрос о снабжении их ремесленным и промысловым инвентарем. Наша задача в постановке преподавания в туземных школах заключается в том, чтобы, наряду с грамотой, со счетными навыками, с запасом разнообразных сведений по обществоведению и естествознанию дать ребятам учащимся ряд ремесленных навыков, пригодных в их быту, а также навыки к более правильному и рациональному использованию естественных богатств сурового Севера. Школа должна вооружить маленького оленевода, рыбака и охотника запасом точных, вполне научных сведений о том, как надо ходить за оленьим стадом, как бороться с заразными и прочими болезнями, как использовать шкуру, рога, ровдугу (выделанную кожу), как вести охоту, как правильно снять шкуру, как плести сети, изготовлять ловушку, как заготовлять впрок пойманную рыбу.

С огромными трудностями в бездорожных тундрах, в беспредельной тайге вспыхивают первые маячные огоньки — национальные школы малых народностей Севера. Теперь мы уже в состоянии говорить о сети этих огоньков-школ.

В 1929/30 году число туземных школ (с интернатами и без интернатов) достигло 134. Сто тридцать четыре школы от Мурмана до Чукотки, от лопарей до эскимосов.

Северные школы мало-по-малу крепнут, возникает методическая работа, создаются учебные книги на русском и на родных языках крупнейших племен.

Школьная сеть имеет и свой пятилетний план. Вот главнейшие цифры:

	Число всех школ в 1929/30 г.	1932/33 г.
Мурманский Округ	8	11
Северный край (Ненецкий окр.)	8	14
Уральская область (Тобол. Сев.)	34	48
Сибкрай	14	27
Дальневосточный край и ЯАССР	60	85
	134	185

В этих школах в настоящее время обучается до 3.000 маленьких охотников, оленеводов, рыбаков.

А к концу пятилетки сеть северных туземных школ сможет охватить до четырнадцати тысяч ребят. А это значит,

что три четверти ребят — северников школьного возраста будут охвачены сетью.

От поголовной неграмотности целых племен мы шагнем ко всеобщему обучению. И это не где-нибудь под Москвой, а в дебрях крайнего Севера.

В связи с развертыванием сети школ в туземных районах, укреплением их работ перед Наркомпросом и Комитетом Севера возникают новые проблемы.

В области народного просвещения ближайшими задачами являются: скорейшее создание письменности на языках малых народов, создание методических пособий, букварей и учебников для тузшкол и ликпунктов на русском и родном языках; издание специальной популярной литературы для распространения среди северных народов в целях закрепления грамотности; перевод начальной работы тузшкол и политпросветучреждений среди наиболее многочисленных народностей на родной язык; проведение в работе туземной начальной школы производственного уклона, связанного с наиболее развитыми отраслями хозяйства данного района; расширение сети интернатных школ и по возможности обращение всех тузшол в интернатые.

Многие из поставленных задач очень сложны и потребуют очень упорной и кропотливой работы. Едва ли в ближайшее пятилетие эти задачи удастся полностью разрешить. Но, как цель, они должны быть поставлены и к осуществлению их надо стремиться.

Северная пятилетка выдвигает основные требования для развития культурного строительства среди малых народностей Севера.

а) План культурно-воспитательной работы должен быть составлен в национальном разрезе.

б) Темп проведения всеобщего обучения и ликвидации неграмотности среди малых народностей крайнего Севера устанавливается в зависимости от условий работы в каждом районе среди каждой национальности.

в) Начальное обучение на русском языке (в первых группах) допускается как временная мера, и в плане должны быть предусмотрены специальные мероприятия по скорейшему осуществлению постепенного перевода работы туземных школ и политпросветучреждений среди наиболее многочисленных народностей на родной язык.

г) Нормальным типом начальной туземной школы являются:

1. школа-интернат с пятилетним сроком обучения;

2. школа без интерната (в районах с компактным оседлым населением) с пятилетним сроком обучения;

3. кочевая школа — как подсобное временное учреждение, организующееся при стационарных школах-интернатах в целях охвата детей наиболее отдаленных групп кочующего населения.

д) В целях осуществления в работе начальной туземной школы производственного уклона, связанного с наиболее развитыми отраслями хозяйства данного района, в плане должны быть предусмотрены следующие мероприятия:

1. организация учебно-показательных ремесленных мастерских при школах-интернатах;

2. обеспечение школ специальным промысловым, сельскохозяйственным оборудованием;

3. отведение школам промысловых и земельных участков.

е) Для проведения систематической политико-просветительной работы в центрах туземных районов организуются:

1. избы-читальни для обслуживания оседлого населения;

2. дома туземца (изба-читальня с общежитием) для периодического обслуживания кочующего населения;

3. передвижные красные юрты и чумы для постоянного обслуживания кочующего населения;

4. При школах районных туземных советов и кооперативов;

5. при стационарных учреждениях предусмотреть радиоустановки и библиотеки;

6. при передвижных учреждениях — кино, радио — передвижки и библиотеки;

ж) Работа по ликвидации неграмотности проводится путем организации:

1. стационарных двухгодичных школ (при избах-читальнях и домах туземцев);

2. индивидуально-группового обучения (при школах, медпунктах и др. культурных учреждениях).

3) Врачебная помощь в тайге и тундрах

Туземцы—охотники и оленеводы—в прежнее время оставались без всякой врачебной помощи. Роль врачей присвоили себе шаманы. Лечение больных состояло по преимуществу в плясках и пении, имеющих целью изгнать „духов“ болезни. Впрочем, иногда шаманы прибегали и к „хирургическому“ лечению (при трудных родах).

Чтобы дать некоторое представление о шаманской медицине, мы раскажем о способах родовспоможения у тунгусских шаманов.

Женщина с трудом рожает. Зовут шамана. Он путем заклинаний пытается помочь роженице. Заклинанья не помо-

гают. Тогда шаман берет изображение рыбы—тайменя, сделанное из палки, и, размахивая им, пытается напугать засидевшегося в утробе матери младенца криком: „Выходи, выходи скорее!. Не то рыба тебя с'ест".

Если не помогает испуг, шаман прибегает к следующему „хирургическому" воздействию: роженицу ставят на пол, на четвереньки, а шаман, упираясь коленкой в крестец, давит ей палкой живот.

Ужаснее всего, что женщина не получает никакого ухода и отдыха после родов. Отмечены случаи, когда уже на второй день после родов жена помогала мужу при ловле рыбы в ледяной воде. Большинство болезней, которыми болеют туземцы на Севере, происходят от тех антисанитарных условий, в которых они живут. Грязь, едкий дым очага, дурное питание, простуды—таковы главнейшие причины заболеваний..

Венерических болезней среди туземного населения почти не наблюдается, но зато почти всякая эпидемическая болезнь приобретает характер настоящего бедствия. Не говоря уже о страшной „русской гостье" — оспе, даже такая безобидная болезнь, как корь, очень часто кончается вымиранием целых чумов, благодаря отсутствию ухода и сколько-нибудь сносных условий существования для больных.

Задача врача на Севере состоит в том, чтобы не столько лечить больных, сколько внедрять в туземную среду навыки к опрятности, к чистоте, к более светлому и теплому жилищу, к умыванию рук, лица и мытью тела.

До революции медицинская помощь малым народностям Севера почти не оказывалась. Существовавшие в северных районах фельдшерские пункты были расположены исключительно в русских селениях, далеко от мест обитания и кочеваний туземцев. Первые „врачебно-обследовательские отряды" были отправлены полностью РООК'ом в 1924/25 году, при чем на них было отпущено 32.000 р. Наркомздрав в 1925/26 г. получил первые 50.000 рублей на организацию медпомощи на крайнем Севере.

В 1928/29 году там уже существовало 47 врачебных пунктов (19 — НКЗдрава, 23 — РООК и 5 местного бюджета); из наркомздравских — 11 стационарных; пять по 10 коек и шесть по 5 коек, а всего со стационарами РООК'а имелось 120 коек. На содержание этой медсети в 1928/29 году отпускалось 1.083.000 рублей, из них по смете НКЗ — 548 тыс., по смете РООК—320 тыс., по местному бюджету—215 тыс. руб.

В 1928/29 году на строительство больниц (не считая культбаз) было затрачено 81.000 рублей, что показывает, что в отношении строительства работа вовсе не достигла нужного размаха.

В 1929/30 году расход НКЗдрава на оказание медпомощи на крайнем Севере повысился до 719.000 рублей, а расход РООК'а—до 325.000 рублей, но на ряду с этим на строительство больниц по госбюджету не было отпущено никаких средств, между тем выработанный практикой организационный порядок необходимо требует больничного строительства.

Характер врачебной работы за последние годы значительно изменился: вместо „врачебно-обследовательских отрядов", производивших подвижную обследовательскую работу в течение года, сейчас в наиболее удобном пункте обслуживаемого района организуется амбулатория, и врач проводит часть времени в этой амбулатории, а часть в раз'ездах по району. На второй или на третий год работы амбулатории обращаются в стационары с 5 — 10 койками, с раз'ездной медпомощью. В случае необходимости в районы направляются вторые врачи — специалисты (венерологи, окулисты, туберкулезники). При стационаре организуются ясли и другие учреждения охматмлада. Врачи обращают большое внимание на санитарно-профилатические мероприятия, на улучшение санитарных условий жизни и быта туземцев, на организацию показательных жилищ, бани.

«В этом деле работа санитарно-просветительная тесно связана с общим оздоровлением домашнего быта туземца» — пишет Л. Н. Доброва-Ядринцева. Роль женщины в этом деле чрезвычайно велика, так как именно женщина является единственной строительницей быта. Через женщину легче всего добиться, чтобы были улучшены жилищные условия (путем устранения вечного дыма в чумах, введения в обиход железных печей, проветривания на солнце и вытряхивания постелей), улучшено питание туземца (чистота посуды, изготовления пищи, сохранение продуктов в запас, отказ от употребления в пищу сырой рыбы и сырого мяса, обучение выпечке хлеба) и чтобы в обиход туземца были введены простейшие правила личной гигиены (умывание, употребление мыла, посещение бани, уход за волосами, стирка белья и проч.).

«Одним из интересных методов этой работы является организация показательного чума, в котором, с согласия обитающей в нем семье туземца, врачом постепенно вводится то одно то другое новшество, без ломки основного быта, ведущее, однако, к оздоровлению обстановки чума и быта его хозяев.

«За эти годы уже имеются некоторые факты, доказывающие, что туземец склонен перестроить свой быт. Не так редко встретить в чуме железную печку; появляются нартяные чумы; карагассы, а кое-где и тунгусы поселяются в избах, переходят на оседлость. Отдельные женщины в кочевых райо-

нах с интересом прислушиваются к указаниям врачей и следуют их указаниям в своем домашнем быту.

К работе по охране матмлада относится организация яслей (на промысловый период, когда семья уходит кочевать), организация выставок по уходу за детьми силами самих туземок (с разделами: «Так надо делать» и «Так не надо делать») и проч.».

«Здоровье будущего ребенка должно быть принято в основу об'яснений о вреде слишком поздних и слишком ранних браков, а также браков, заключенных против желания. На этом строится прежде всего борьба с калымом и с насилием над волей женщины при выдаче ее замуж. Ведутся беседы и раз'яснения в отношении ухода за ребенком, чтобы предохранить его от заболевания и укрепить его организм».

4) О работе среди женщин

В перестройке всего быта, а также и хозяйства туземцев огромное значение имеет вовлечение женщин в эту работу. В число мероприятий на этом участке необходимо отметить, что в январе 1930 г. при ЦК ВКП(б) было созвано совещание по работе среди женщин у северных туземных племен. На совещании присутствовали представительницы всех женотделов северных округов, а также несколько представительниц туземок, среди которых было десять делегаток из института народов Севера.

Туземками-делегатками были представлены племена: аваньки, ненцы, гольды, карагасы, остяки, чукчи, камчадалы, якуты, буряты.

Был заслушан ряд докладов с мест, а также и центральных работников.

Основные выводы, сделанные на совещании, сводятся к следующему:

1. Национальная политика партии по отношению к трудящимся ранее угнетенных народностей, в частности народностей Севера, и вся практическая работа партии и советов на Севере дала большие политические и практические результаты, выражающиеся в росте активности масс туземного населения, обострении классовой борьбы, создании туземных советов, развертывании кооперации, организации колхозов и под'еме культурного и экономического уровня туземного населения.

2. Несмотря на наличие некоторых сдвигов в области культурной и политической работы среди женских масс, все же женщины Севера остаются бесправными. Между тем, особая отсталость женщин-туземок, почти поголовная неграмотность их, наличие бытовых пережитков, закрепощающих женщину,

и на ряду с этим значительный удельный вес ее труда в туземном хозяйстве требует самого внимательного отношения к делу раскрепощения трудящихся женщин-туземок и развертывания массовой воспитательной работы среди них в целях широкого привлечения тружениц Севера к социалистическому переустройству северных окраин Советского Союза.

3. Работа по раскрепощению женщин Севера должна развертываться на основе четкого проведения классовой линии партии и охватить в первую очередь батрачек и беднячек.

Вместе с тем совещание наметило целый ряд практических мероприятий по улучшению труда и быта туземок, среди которых наиболее существенное место занимают:

а) организация среди туземок производственных об'единений, артелей, мастерских по пошивке и выделке шкур, кож, замши и т. д.;

б) показательная работа по стирке белья, хлебопеченью, шитью и т. д.;

в) вовлечение лучших батрачек, беднячек и середнячек в состав советов и выдвижение их на руководящую работу в советах, для чего организовывать курсы советского актива и курсы женщин—членов советов;

г) принятие всех мер к ликвидации неграмотности туземок—членов советов;

д) создание во всех округах Севера красных женских передвижных чумов;

е) организация при всех местных комитетах Севера комиссий по улучшению труда и быта женщин;

ж) организация при культбазах хорошо оборудованных женских уголков, выставок, женских производственных артелей, делегатских собраний и т. д.;

з) включение в деятельность всех медицинских учреждений, работающих на Севере, распространение среди туземного населения элементарных сведений по санитарии и гигиене и постановку работы по охране материнства, организации соревнования на чистоту чума, стирку белья, употребление мыла, купание ребенка и т. д.;

и) организация раз'ездной работы акушерок, открытие детских яслей, родильных коек, консультаций;

к) широкая популяризация среди туземцев законодательства по бытовым преступлениям.

„На местах,—пишет Л. Н. Ядринцева-Доброва,—вовлечение женщин в работу по советскому строительству должно идти прежде всего путем организации женских собраний, раз'яснительных бесед, проведения показательных судов в случаях грубого нарушения прав женщин".

Комитеты Севера и культбазы

Мы уже говорили не раз о том, как мало заботилось царское правительство об участи северных туземцев, да и революция в первые годы принесла северным туземцам не облегчение, но ухудшение положения: разрыв торговых связей, прекращение снабжения, падение рентабельности промыслов, уничтожение оленных стад, поборы, реквизиции, разрушение всех старых учреждений туземного управления (родовых управ) и усиление ничем не сдерживаемого напора русского крестьянства на туземные промысловые угодья.

„Отсутствие среди туземцев не только культурных, но и просто грамотных людей, способных понять и осмыслить происходящий революционный переворот, способных политически организоваться для защиты своих интересов, привело к тому, что к моменту организации Комитета северные туземцы находились „вне пределов советской конституции", в более бесправном и дезорганизованном положении, чем когда бы то ни было". (*А. Е. Скачко*).

И вот тогда-то возникла мысль о создании особого Комитета содействия малым северным народностям при ВЦИК'е.

1) О Комитете Севера

Было очевидно, что на первых порах необходимо кому-то взять на себя заботу от отсталых племенах, заброшенных в далекие, бездорожные дебри. Кто-то должен был в центре думать о них, помогать, звать на помощь. Этим ходатаем явился Комитет Севера.

Программа работы была намечена в первом же протоколе Комитета от 15/VII 1924 г. такая:

а) Положить в основу работы изучение современного положения, истории и культуры малых народов Севера;

б) задачами текущей работы поставить:

1. определение и резервацию территории, необходимой для северных народов;

2. обеспечение снабжения необходимыми для промыслов припасами, орудиями производства и кредитом;

3. обеспечение продуктами первой необходимости;

4. защиту малых народностей от хищничества и эксплоатации;

5. содействие кооперированию малых народностей;

6. организацию санитарной и ветеринарной охраны;

7. содействие организации школ;

8. борьба со спиртными напитками;

9. содействие тесной связи народностей с культурными центрами Союза ССР и связи их административного управления с центральными органами совласти.

Северные туземные племена разбросаны по безбрежным и бездорожным пространствам тундры и тайги. Собрать на с'езд (суглан) туземцев даже одного рода иной раз связано было с огромнейшими трудностями: срок созыва сугланов в тайге Туруханского края приходилось назначать чуть ли не за год, а за несколько месяцев до сбора суглана рассылать по тайге нарочных, устным образом оповещавших сородичей о с'езде. С неменьшими трудностьями были связаны и поездки самих организаторов на эти с'езды. Даже на Европейском севере в нынешнем Ненецком (самоедском) округе были отмечены случаи полной невозможности для лиц, командированных местным (Архангельским) Комитетом Севера, добраться во время до пункта, где происходил туземный с'езд, из-за отсутствия в тундре перевозочных средств. На северных наших окраинах есть не мало пунктов, сообщение с которыми возможно бывает лишь раз в год. Трудность общения друг с другом туземцев, рассеянных по тундровым и таежным урочищам, а также отдаленность, бездорожье и, благодаря этому, баснословная дороговизна передвижения по тундровым и таежным пространствам,—вот те две причины, которые явились основными обстоятельствами, тормозящими успехи советизации Севера.

Работа Центрального Комитета Севера при ВЦИК опирается на сеть местных комитетов, организованных при областных и окружных исполкомах.

Как в центре, так и на местах Комитетам Севера пришлось вести упорную работу, а нередко и борьбу.

Главные трудности работы заключались в том, что Северу не уделялось достаточного внимания. Если торговые организации и шли в первые годы революции на Север, то они шли исключительно в погоню за пушниной. Ни о правильном снабжении, ни о культурной и советской работе никто не заботился.

В наследие от дореволюционного времени досталось представление о Севере, как о „месте гиблом", а о северных туземцах—как о племенах безнадежно „вымирающих".

Комитет Севера взял на себя труднейшую задачу—разбудить интерес к Северу, привлечь соответствующие государ-

ственные и общественные организации к дружной и планомерной работе по обслуживанию северных окраин. Работа эта из года в год расширяется и крепнет. Наилучшим образом об этом свидетельствует сводка ассигнований на стройку туземного Севера за последние четыре года. По росту ассигнований можно судить о темпе строительства (см. таблицу)

Финансирование предприятий по Северу

С 1926/27 года по 1929/30 год на нужды малых народов Севера центром были отпущены следующие средства:

	1926/27 б. г.	1927/28 б. г.	1928/29 б. г.	1929/30 б. г.	Рост ассигнований в %%			
					В 1927/28 б. г. по ср. с 1926/27 г.	В 1928/29 б. г. по ср. с 1927/28 г.	В 1929/30 б. г. по ср. с 1928/29 г.	
По сметам ведомств РСФСР	1.569.000	2.433.000	3.208.976	3.829.329	55	32	15,43	

2) О культбазах

Перед комитетом содействия малым народностям Севера встала задача: каким способом наладить помощь северным народностям, раскиданным на огромном, бездорожном пространстве, так, чтобы достичь наиболее верных и действительных результатов.

Работа передвижных медицинских и ветеринарных отрядов показала, что врачи, передвигаясь с места на место по тайге или тундре, в состоянии оказывать туземцам лишь самую ничтожную помощь, в то время как туземцам должна быть оказываема врачебная помощь в постоянных больницах, а олени должны подвергаться длительному лечению в постоянных ветеринарных пунктах.

Само собой разумеется, что учеба туземцев—детей и взрослых—требует еще более значительных сроков пребывания учащихся в школах-интернатах.

Одним словом, на опыте работы с туземцами работники Комитета Севера пришли к мысли о необходимости создания постоянных пунктов—баз—для оказания всесторонней культурно-хозяйственной помощи туземному населению. Культбазы Комитета Севера представляют собою маленькие „городки“,

в которых сосредоточены: амбулатории и больницы, ветеринарные пункты с опытным оленьим стадом и бактериологической лабораторией, школы-интернаты, научные кабинеты для исследовательской работы, кооперативные магазины-склады, здания для туземных советов, дома для приезжающих туземцев, радио.

Комитетом Севера до 1930 г. построено 6 культурных баз: 1) Ненецкая (самоедская) в местности Хоседа-Хард (Ненецкий округ Северного края), 2) Западно-Тунгусская, называемая Туринской, на р. Кочечумо (Туруханский район, Красноярского округа), 3) Чукотский район Дальне-Восточного края, 4) Восточно-Эвэнская (Тунгусская) на берегу бухты Нагаево (Охотское побережье Дальне Восточного края) 5) Сахалинская—на о. Сахалине, для обслуживания гиляк, ороков, тунгусов. В 1930 году будут построены еще две базы: Остяцкая на р. Казым (Собольской округ), Коряцкая в с. Каменское (Пенжинский район Дальне-Восточного края).

По пятилетнему плану организации культбаз, т.-е. кончая 1932/33 годом, должны быть построены еще следующие культбазы: в Алазейской тундре (Якутской АССР) для обслуживания юкагир и чуванцев, Вилюйская (Якутской АССР) для таежных тунгусов; Хатангская—в восточной тундре Туруханского района, для обслуживания долган, затундренских крестьян и части тунгусов; на реке Таз (Тобольский округ)—для обслуживания самоедов-юраков; в бассейне реки Пясиной (Западная тундра Туруханского района)—для самоедов-тавгийцев; на полуострове Я-мал (Тобольский округ) для каменных самоедов; в бассейне реки Каренги в районе схождения административных границ Дальне-Восточного края, Сибирского края, Бурято-Монгольской и Якутской АССР—для обслуживания орочен. Здесь предполагается выделение самостоятельной туземной административной единицы. В Чаунской губе — для обслуживания чукчей от Индигирки до западной границы Чукотского полуострова; на р. Сосьве или Конде (Тобольский округ)—для вогул; на р. Вах (Томский округ)—остяцкая, орочен ская в Северо-Байкальском районе, Бурято-Монгольская АССР.

Всего к концу пятилетки, т.-е. в 1932/33 операционном году, должно быть сооружено девятнадцать культурных баз.

„Культурные туземные базы имеют целью ускорить и облегчить привлечение малых народностей северных окраин РСФСР к общей работе трудящихся республики по строительству советской культуры в условиях национального самоопределения. В будущем культбазы должны стать политическими и культурными центрами данных народностей".

Так определил Комитет Севера основные задачи культурных баз.

Наши северные окраины—благодаря малой доступности, суровости климата, бездорожью—плохо изучены. Почти все, что нам известно о природе Севера, о его естественных богатствах, о жизни обитателей северных окраин, почти все это добыто путем экспедиционного изучения, то-есть все эти материалы собраны, главным образом, исследователями при более или менее поспешном пересечении таежных и тундренных дебрей теми или иными маршрутами. Культбазы явятся теми пунктами, где впервые начнется планомерное изучение прилегающих к базе районов, культбазы станут очагами краеведческой работы для самых отдаленных и трудно доступных уголков нашего Союза.

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
А. А. Добролюбов

ОГЛАВЛЕНИЕ

Стр.

О севере и северных людях 3

Хозяйство северных туземцев: 11

1. Оленеводство 13
2. Охотничий промысел 19
3. Рыболовство 28

Советское строительство: 32

1 Социальные отношения 32
2. Коллективизация на Севере 37
3. Туземная кооперация 40
4. Советы в тайге и тундре 43

Культурное строительство в туземных районах Севера 52

1. О кадрах 52
2. О туземных Северных школах 53
3. Врачебная помощь в тайге и тундрах 62
4. Работа среди женщин 65

Комитеты Севера и культбазы 67

1. О Комитете севера 67
2. О культбазах 69

Кабинет Севера
Обл Библиотеки
им. А. Н. Добролюбова

Цена 55 коп.

ЗАКАЗЫ НАПРАВЛЯТЬ:

Москва ГСП 6, Неглинная 21, Издательству „Власть Советов“
при Президиуме ВЦИК